

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Правовые и нравственные проблемы доказывания в уголовном процессе РФ»

Обучающийся

А.Б. Алейников

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук., доцент, С.В. Юношев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность данной выпускной квалификационной работы выражается в неоднозначности процесса доказывания и наличия проблем правового и нравственного характера, который не нашли разрешения по сегодняшний день. Поскольку процесс доказывания является важнейшим для разрешения задач, поставленных перед уголовным судопроизводством, освещение проблем, которые на данный момент имеются и могут послужить причиной затруднения при их исполнении, что влечет за собой неэффективность института уголовного-процесса, а также ставит соблюдение прав и свобод граждан, в том числе на защиту от преступных посягательств в опасность.

Цель исследования – изучить правовые и нравственные проблемы доказывания в уголовном процессе России и сформировать предложения по совершенствованию законодательства по отношению к выявленным проблемам.

Задачи исследования: Изучить понятие, сущность доказывания, определить его цель, изучить содержание доказывания, рассмотреть проблемы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, рассмотреть проблемы участия в доказывании адвоката-защитника, рассмотреть проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, рассмотреть нравственные основы доказывания в уголовном процессе России, а также рассмотреть проблемы соблюдения нравственных требований при осуществлении доказывания в уголовном процессе России и сформировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики применительно к выявленным проблемам доказывания.

Структура выпускной квалификационной работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, четырех глав, семи параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие и общая характеристика доказывания в уголовном процессе России	7
1.1 Понятие, сущность и цели доказывания в уголовном процессе России	7
1.2 Содержание доказывания в уголовном процессе России	15
Глава 2 Правовые проблемы доказывания в уголовном процессе России	27
2.1 Проблемы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела ..	27
2.2 Проблемы участия адвоката-защитника в доказывании	39
2.3 Проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности	47
Глава 3 Нравственные проблемы доказывания в уголовном процессе России	58
3.1 Нравственные основы доказывания в уголовном процессе России	58
3.2 Проблемы соблюдения нравственных требований при осуществлении доказывания в уголовном процессе России	63
Глава 4 Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики применительно к выявленным проблемам доказывания.....	68
Заключение.....	76
Список используемой литературы и используемых источников	81

Введение

Институт доказывания в уголовном процессе России, безусловно является одним из центральных, системообразующих для обеспечения задач перед уголовным процессом поставленных. Правовым проблемам доказывания посвящено множество работ ученых и исследователей, к ним прикован и взгляд законодателя, что, однако, до сегодняшнего дня не решило проблему наличия таких проблем. То же касается и нравственных основ доказывания в уголовном процессе России, нравственность, являясь неотъемлемой частью любой деятельности человека – в уголовном процессе приобретает особо важный характер, поскольку речь идет о судьбах людей, защите их прав и свобод, что не может не говорить о важности проблем нарушения этих основ.

Актуальность данной работы обусловлена наличием в законе проблем как правового, так и нравственного характера, которые являются причиной либо неэффективности, либо нарушения, гарантированных законом человеку прав и свобод. Освещение проблем и формирование предложений по совершенствованию законодательства по отношению к доказыванию – будет актуально до тех пор, пока таковые существуют в принципе. Доказывание и его регулирование определяет, будут ли исполнены задачи, поставленные перед уголовным процессом в России. Наличие правовых проблем и проблем нравственного характера в доказывании при отсутствии их освещения будут только прогрессировать, а указанные ранее неэффективность и нарушение прав участвующих в процессе доказывания в долгосрочной перспективе может повлечь за собой подрыв доверия к правоохранительным институтам государства, вызвать нестабильность населения, привести к тяжелым последствиям в виде самосуда или серьезных народных волнений. Оставление без освещения данных проблем по сути является пособничеством к подрыву законности в стране, потому данные проблемы нужно освещать. Поскольку деятельность человека не предполагает нахождения идеальных решений, а

законодатель не всегда успевает вовремя корректировать регулирование общественных отношений – нам представляется, что вопрос об актуальности указанной темы исследования является риторическим. Отдельно стоит указать, что проблемы нравственного характера – в принципе не имеют за собой гарантированного решения, поскольку обусловлены не пробелами законодательства, а биологическим базисом и сложным комплексом обстоятельств окружающей среды в лице социума. Однако не осветить эти проблемы было бы неправильным, так как если человеческая природа неизменна, то некоторые другие факторы, о которых будет указано в работе – вполне поддаются корректировке, а значит рассмотрение этой проблемы не является бессмысленной. Более того, следует всегда помнить, что проблемы нравственного порядка – часто подразумевают за собой дальнейшие нарушения законодательства субъектом, на которого они распространяются. Потому считаем актуальность данного исследования очевидной, ввиду указанных выше доводов.

Объектом исследования является институт доказывания в уголовном процессе России, а также общественные отношения возникающие в результате реализации данного института.

Предметом выпускной квалификационной работы являются обстоятельства, выделенные в качестве правовых и нравственных проблем в уголовном процессе России.

Цель работы – изучить правовые и нравственные проблемы доказывания в уголовном процессе России и сформировать предложения по совершенствованию законодательства по отношению к выявленным проблемам.

Для достижения данной цели необходимо выполнить ряд задач, а именно: изучить понятие, сущность доказывания, определить его цель, изучить содержание доказывания, рассмотреть проблемы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, рассмотреть проблемы участия в доказывании адвоката-защитника, рассмотреть проблемы использования в

доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, рассмотреть нравственные основы доказывания в уголовном процессе России, а также рассмотреть проблемы соблюдения нравственных требований при осуществлении доказывания в уголовном процессе России и сформировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики применительно к выявленным проблемам доказывания.

Для изучения данной темы использовались различные методы: всеобщие научные (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, моделирование и др.); частные (сравнительно-правовой).

Для раскрытия темы работы были использованы следующие источники: Конституция России, Уголовно-процессуальный кодекс России, Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности, а также научные работы, учебные пособия, и др.

Глава 1 Понятие и общая характеристика доказывания в уголовном процессе России

1.1 Понятие, сущность и цели доказывания в уголовном процессе России

Начать следует с того, что термин доказывание не имеет легального закрепления в законодательстве. Более того, стоит отметить и тот факт, что такое положение дел справедливо и для остальных отраслей права. Ни в одном процессуальном кодексе Российской Федерации четкого определения доказыванию нет. Более того, справедливо и то, что в уголовно-процессуальном законодательстве имеется хоть и не исчерпывающее, но наиболее раскрытое определение доказывания. В остальных процессуальных кодексах страны не имеется даже отдельной статьи, посвященной доказыванию, это определение фигурирует лишь в названии главы и в статье, указывающей на обязанность доказывания. В свою очередь в Уголовно-процессуальном кодексе России имеется ст. 85, которая гласит, что «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса» [49].

Такое особенное внимание к данному определению в среде уголовного процесса не случайно, поскольку, доказывание по мнению многих является сердцевиной уголовного процесса в принципе. Считаем, что такое отношение к процессу в рамках которого решается судьба человека, решается вопрос о том, будет ли он нести уголовную ответственность, будут ли защищены нарушенная законность, права и свободы человека, будет ли восстановлена социальная справедливость, правильным. Уголовный процесс без сомнения является важнейшим, как для общества и каждого отдельного взятого в нем человека, так и для государства, поскольку от работы механизма уголовного преследования зависит стабильность в стране, а потому каждая деталь требует

вкрадчивого разъяснения и регулирования. Было бы преступным легкомыслием отнестись к сердцевине процесса так, как поступили в других отраслях права.

И тем не менее, вопрос доказывания является по мнению многих авторов неразрешенным, ввиду того, что дефиниции доказывания, как уже было указано, в законе нет. В статье 85 УПК РФ указывается то из чего поэлементно оно состоит, то есть содержание этого понятия, что не является исчерпывающим описанием этого процесса [49].

Поскольку далее мы рассмотрим взгляды различных ученых и исследователей, мнения которых так или иначе сходятся хотя бы в том, что доказывание – это форма познавательной деятельности, правильным будет указать и то, что из себя представляет познание.

Итак, познание, это, «специфический вид активной деятельности человека, направленный на постижение окружающего мира и себя в этом мире, активно-целенаправленное отражение действительности в сознании человека, цель и смысл которого – адекватное воспроизведение и преобразование ее» [57, с. 4].

Классик Российской юридической науки С.А. Шейфер указывал, что «доказывание — получение доказательств и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события - является единственным средством достижения целей судопроизводства, т. е. защиты прав и законных интересов потерпевших и ограждения личности от незаконного привлечения к уголовной ответственности, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). За пределами доказательственной деятельности реализация судебной власти, а именно разрешение судом социальных конфликтов в сфере права, невозможна. Поэтому доказывание и доказательства, по мнению прошлых и новых исследователей, были и остаются сердцевиной уголовного судопроизводства. Понятие доказывания неотделимо от его философской основы - познания. Это обстоятельство всегда рождало теоретические споры о соотношении этих понятий; споры также

касались содержания и структуры доказывания, круга субъектов и обязанности доказывания, особенностей его реализации на различных этапах процесса и т. д.» [13, с. 16].

Л.Н. Масленникова в свою очередь высказывалась следующим образом, «на сегодняшний день практически ни один вопрос, связанный с доказыванием по уголовному делу, не получил своего окончательного разрешения. Причем вплоть до настоящего времени ученые так и не пришли к единому пониманию самой сущности этого сложного процесса и связанных с ним методологических категорий; дискуссии по данному поводу продолжаются уже не один десяток лет» [15, с. 100].

А.Д. Прошляков же высказывался следующим образом: «уголовно-процессуальное доказывание представляет собой сложную деятельность, в которой органически сочетаются мыслительная и практическая деятельность по собиранию, закреплению, проверке и оценке доказательств. Любое практическое действие по доказыванию требует соответствующей мыслительной обработки, а мыслительная операция - совершения субъектом доказывания определенных практических действий, поэтому доказывание по уголовному делу принято рассматривать как единство познавательной и удостоверительной сторон» [52, с. 299].

Н.В. Пальчикова пишет следующее, «уголовно-процессуальное познание не должно противопоставляться доказыванию, поскольку приведенные дефиниции тождественны по содержанию. С гносеологической точки зрения доказывание представляет собой познание обстоятельств уголовного дела, осуществляемое уполномоченными субъектами в определенной уголовно-процессуальном законом форме. Содержание процесса доказывания рассматривается как единство трех компонентов: собирания, проверки и оценки доказательств, что нашло отражение в его законодательной модели, закреплённой в ст. 85 УПК РФ» [14, с. 9].

С.А. Лубин считает, что «доказывание—это поиск и представление, с соблюдением правил и процедур уголовно-процессуального закона,

фактических данных о познанной сущности, заключенной в следах преступления. Цель доказывания по уголовному делу - это формирование системы доказательств, которая позволяет принять обоснованное уголовно-процессуальное решение (по конкретным материалам)» [25, с. 11].

Стоит отметить и то, что указывал Ю.П. Боруленков, так он пишет, что «мы исходим из того, что процессуальное познание нельзя рассматривать в целом как сквозной процесс накопления знаний некоего единого виртуального субъекта, осуществляющего познание в рамках юридического процесса от начальной и до конечной стадии. Каждый из субъектов осуществляет познание в рамках своих специфических функций и полномочий. В равной степени это относится и к доказыванию, которое мы определяем как деятельность по обоснованию сторонами утверждений» [6, с. 18].

Следует учесть и позицию В.И. Иванова, который указывает, что «принимая во внимание то, что усилия субъектов доказывания направлены на достижение единой цели - установление обстоятельств, имевших место в прошлом, доказывание рассматривается в качестве ретроспективного вида познавательной деятельности специально уполномоченных субъектов уголовного судопроизводства (то есть уголовно-процессуального познания)» [17, с. 43].

Проанализировав высказывания авторов можно сойтись на том, что доказывание безусловно является деятельностью процессуальной, осуществляемой в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Также указывается, что процесс познания является неотъемлемой составляющей доказывания, с чем нельзя не согласиться, поскольку сбор сведений, на основании которых субъект доказывания может разрешить вопрос о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию, указанных в статье 73 УПК РФ, связан с деятельностью по постижению действительности. Также указывается и не подвергается сомнению, что доказывание – это деятельность, обращенная преимущественно на события прошлого, однако здесь стоит отметить, что это не всегда так. Так, например,

среди обстоятельств, подлежащих доказыванию в ст. 73 УПК РФ указаны обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, а также обстоятельства смягчающие наказание, в числе которых находится беременность виновного лица или наличие у такового малолетних детей [49].

Доказывание таких обстоятельств не направлено в прошлое, данные фактические данные говорят нам о текущем положении вещей, о настоящем. И все же, справедливо и то, что большая часть доказывания по выяснению фактических обстоятельств совершенного деяния, все же является ретроспективной. Также, поскольку доказывание включает в себе три элемента, два последних из которых, проверка и оценка собранных доказательств, стоит указать и о аналитической составляющей данной деятельности, поскольку ни проверка, ни оценка невозможна без анализа и мыслительной деятельности субъекта доказывания.

Для того чтобы подойти к тому, что из себя в конечном счете представляет доказывание нам следует перейти к вопросу о том, что является его целью, поскольку как любая целенаправленная познавательная деятельность, доказывание таковую имеет. Для наиболее глубокого погружения в вопрос мы рассмотрим позиции некоторых исследователей, которые на данную тему высказывались.

Ю.К. Якимович, например, указывал, что целью доказывания является «установление истины по уголовному делу. Истина устанавливается в процессе познания. Уголовно-процессуальное познание основывается на общих закономерностях познавательной деятельности» [61, с. 3].

В.Г. Нефедовский, в свою очередь, высказывал следующее: «истина практически всегда относительна. Для каждого человека она своя, избавиться же от общечеловеческих суждений и критериев даже высокообразованным людям, занимающимся уголовными делами, совсем не просто. Это и ведет к вечному непрекращающемуся поиску истины, достигнуть которой в полной мере не дано ни одному человеку» [30, с. 42].

Имеется и замечание Н.Н. Давыдовой, касательно неоднозначности вопроса с целью доказывания, и является ли истина целью в действительности, так она указывает, что «с введением в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ изменился характер дискуссий в отношении целей доказывания. Если до его принятия споры велись в основном о том, какая истина должна быть достигнута в процессе доказывания по уголовному делу (абсолютная или относительная, формальная или материальная), то с началом его действия предмет обсуждения изменился. В настоящий момент подвергается сомнению установление истины в уголовном судопроизводстве как цели доказывания. Так какие же цели доказывания обозначает действующее законодательство? До настоящего времени ответа на этот вопрос в специальной литературе нет» [12, с. 170-171].

В.А. Саморока в своей статье упоминает про общепринятую концепцию по целям доказывания и тут же ставит ее под сомнение, так он указывает, что «принято считать, что доказывание представляет собой процесс установления истины. Данный постулат относится не только к уголовному процессу, но и к любой исследовательской деятельности. Мы помним об этом из курса алгебры и геометрии средней школы, из методов научного исследования и т. п. Однако с принятием УПК РФ, данный тезис поставлен под сомнение» [46, с. 208].

Стоит высказать предположение, в силу чего многие исследователи придерживаются позиции, что целью доказывания, является установление истины по делу. Очевидно, что причины сокрыты в прошлом. В качестве примера отмечаем, что, ст. 243 УПК РСФСР от 1960 г. возлагала обязанность на председательствующего принимать все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины в судебном заседании [50].

И если уголовный процесс в СССР имел своей целью достижение истины в том или ином ее понимании, то в действующем законодательстве указания на то не имеется. Считаем справедливым отметить, что такой взгляд ученых, где целью уголовного процесса является установление истины по

делу, перешел в «наследство» и к сегодняшним исследователям, особенно к тем, которые в своей практической или исследовательской деятельности застали то время.

Проанализировав позиции различных авторов, а также исходя из того, что вопрос не имеет единой точки зрения, из его спорности, а также из того, что законодатель не указывает такой цели, как установление истины по делу в существующем Уголовно-процессуальном кодексе, представляется разумным опираться на то, что все же указано в УПК РФ. В случае уголовно-процессуального доказывания данная цель прямо указана законодателем. Статья 85 УПК РФ, говорит нам, что «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса» [49].

Вопрос о разрешении вопроса о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию, служит разрешению уголовного дела по существу, что в свою очередь служит выполнению задач, поставленных перед уголовным процессом в ст. 6 УПК РФ. В них законодатель включает защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а также указывает, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию [49].

Таким образом можно предложить следующую логическую цепочку, в которой доказывание является процессом, направленным на получение необходимого объема доказательств для разрешения вопроса о доказанности, то есть наличия или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию. Это в свою очередь позволяет разрешить уголовное дело по существу, что в конечном итоге исполняет задачи уголовного судопроизводства.

Ни в одном элементе указанной логической цепочки (доказывание, доказательства, обстоятельства подлежащие доказыванию, разрешение дела, выполнение задач уголовного судопроизводства) не говорится о наличии такой цели, как установление истины по делу.

Адекватным будет предположить о наличии контраргумента, заключающегося в том, что указанная выше позиция говорит о доказывании и его цели в узком смысле. Если брать весь процесс в целом, поскольку в целях уголовного-судопроизводства указано о назначении виновным справедливого наказания, исполнить эту задачу без достижения истины по делу будет невозможно. О справедливости наказания говорит и Уголовный кодекс РФ, указывая, что «лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание» [51].

Опровергая данный аргумент стоит указать следующее, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 О судебном приговоре, «в силу положений статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона. С учетом положений статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее - Пакт о гражданских и политических правах) и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее - Конвенция о защите прав человека и основных свобод) приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства» [39].

В указанных конвенции и пакте, в статьях, на которые ссылается Верховный Суд РФ, указания о необходимости поиска истины также не имеется, а потому, с учетом всего перечисленного, мы можем прийти к выводу что справедливое наказание, как следствие общей деятельности уголовно-

процессуальной системы – это результат правильно проведенной формальной процедуры, соответствие букве уголовно-процессуального закона, в том числе в ее части о соблюдении прав и гарантий лиц по делу участвующих, но ничего здесь не указывает о том, что для справедливого наказания требуется нахождение истины по уголовному делу [27], [21].

Потому считаем верным полагать, что на сегодняшний день разумно подходить к цели доказывания, как к формированию необходимого для разрешения уголовного дела объема доказательств.

Похожей позиции по данному вопросу придерживается и С.А. Лубин, который определял цель доказывания следующим образом: «формирование системы доказательств, которая позволяет принять обоснованное уголовно-процессуальное решение» [25, с. 11].

Поскольку цель доказывания нами была определена, мы наконец можем разрешить вопрос о том, чем в сущности является доказывание. Основываясь на том, что мы указали до этого касательно понятия и сущности доказывания, а также на выведенной нами цели доказывания, полагаем возможной такую позицию, из которой выходит, что доказывание в уголовном процессе – это процессуальная, преимущественно ретроспективная, познавательно-аналитическая деятельность по формированию необходимого для разрешения уголовного дела по существу объема доказательств.

1.2 Содержание доказывания в уголовном процессе России

Ранее мы рассмотрели вопросы того, что из себя представляет доказывание и каковы его цели в уголовном процессе, теперь же стоит отдельно акцентироваться на вопросе того, какие процессы оно в себе объединяет. Речь, разумеется, пойдет о том, что из себя представляет каждый элемент доказывания в отдельности.

Как было указано ранее, согласно закону, элементы определены законодателем в ст. 85 УПК РФ, как собирание доказательств, проверка

доказательства и оценка доказательств, при этом каждый из этих звеньев регламентирован отдельной статьей [49].

Первый и безусловно важнейший элемент – это собирание доказательств. Законодатель посвятил собиранию доказательств статью 86 УПК России, в которой указано, что «собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом. Подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств» [49].

В ч. 2 ст. 86 отдельно указывается о праве защитнике собирать доказательства, путем получения предметов, документов и иных сведений, путем опроса лиц с их согласием, а также за счет истребования справок, характеристик и иных документов от органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые такие сведения предоставлять обязаны [49].

Данный элемент является первостепенным по отношению ко всему остальному процессу доказывания, поскольку без него не будет сформирован базис для последующей проверки и оценки. Процесс собирания – это первый шаг в формировании каркаса воссоздания картины совершенного деяния. Данный факт не требует доказательств, так как продиктован здравым смыслом и все же справедливо подчеркивается различными исследователями.

Так например Р.А. Чомаев указывает, что «таким образом, без собирания доказательств невозможно установление истинных фактов по делу и, следовательно, отправление правосудия будет невозможным» [59, с. 384].

Ю.К. Якимович в свою очередь пишет, что собирание доказательств регламентируется ч. 1 ст. 86 УПК РФ и состоит из нескольких этапов, таких

как обнаружение, изъятие, фиксация или же закрепление, приобщение к делу [61].

Г.А. Миронова указывает, что «при кажущейся внешней очевидности и прозрачности нормативного регулирования деятельности по собиранию доказательств (ст. 86 УПК РФ), корректности приведенных на его основе суждений по поводу понятия и содержания такой деятельности, взыскательный анализ соответствующих доктринальных и нормативных положений показывает как минимум их неопределенность, неконкретность» [28, с. 202].

Г.А. Миронова также отмечает, что «до сих пор в теории доказательств не выработано четких критериев его разграничения с такими понятиями, как «поиск доказательств», «получение доказательств», «процессуальное оформление доказательств» [28, с. 205].

Также несомненно стоит указать и краткий ретроспективный анализ Г.А. Мироновой, так она указывает, что «в связи с этим представляет интерес опыт законодательной регламентации доказательств в УПК РСФСР 1923 г. В главе 4 «Доказательства» термин «собрание» употреблялся один раз и только применительно к вещественным доказательствам и письменным документам (ст. 59). Он использовался наряду с «хранением» и «рассмотрением» данных видов доказательств. Собрание доказательств не выделялось в самостоятельный этап доказывания. В его «привязке» к вещественным доказательствам и письменным документам оно сводилось к их описанию и приобщению к делу. В УПК РСФСР 1960 г. собиранию доказательств, так же, как и оценке доказательств (ст. 71), уже посвящена самостоятельная статья (ст. 70), которая содержала и требование о тщательной, всесторонней и объективной проверке собранных по делу доказательств дознавателем, следователем, прокурором и судом (ч. 3 ст. 70). В УПК РФ 2001 г. требование проверки доказательств законодатель уже закрепил в рамках отдельной статьи. На примере трех «поколений» отечественных уголовно-процессуальных кодексов отчетливо видно, что на законодательном уровне

процесс доказывания постепенно был формализован с выделением в нем трех этапов: собирание, проверка и оценка доказательств. Причем термину «собирание доказательств», изначально проецируемому на вещественные доказательства и письменные документы, придана универсальность: он стал процессуально значимым для всех видов доказательств» [28, с. 205-206].

Вторым элементом является проверка доказательств, этому процессу законодатель отводит статью 87 УПК России, которая гласит, что «проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство» [49].

А.В. Рудин, например, указывал, что «в ходе проверки доказательств могут использоваться одновременно средства и методы, как собирания, так и оценки доказательств. В первом случае это будет практическая деятельность, направленная на получение новых или дополнительных доказательств, во втором, – мыслительная деятельность, в том числе изучение, анализ, синтез, сопоставление и другие логические приёмы проверяемого доказательства в отдельности и в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу» [45, с. 181].

Последним звеном является оценка доказательств, правилам ее проведения посвящена статья 88 УПК РФ, в которой указывается, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела» [49].

Также, в той же статье указывается круг субъектов, который может признать доказательство недопустимым, к ним уголовно-процессуальный закон относит суд, прокурора, следователя и дознавателя. Кроме того, указывается, что доказательство, признанное недопустимым, не подлежит

включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или постановление [49].

В соответствии со ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью [49].

И.В. Копейкина отмечает о производстве оценки доказательств следующее, «доказательства оцениваются дознавателем, следователем, прокурором, судом свободно. Свобода оценки доказательств закреплена в качестве одного из принципов уголовного процесса, согласно которого названные субъекты оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» [23, с. 23].

Оценка доказательств производится по четырем критериям, которые установил законодатель. Ввиду того, что они составляют саму суть оценки, определяют, как следует оценивать доказательства, представляется разумным рассмотреть мнения авторов на этот счет.

Под относимостью в уголовном процессе, Н.А. Громов понимает «его пригодность устанавливать факт, входящий в предмет доказывания. Иными словами, относимость доказательства означает логическую связь полученных сведений с тем, что необходимо установить по конкретному делу, чтобы правильно его разрешить» [11, с. 29].

В одном из учебных пособий, указывается, что «допустимость источника фактических данных — это совокупность его свойств, позволяющая ввести фактические данные в уголовный процесс в качестве средства доказывания. Иногда эти свойства источника называют условиями допустимости. К ним относятся: известность источника и возможность проверки происхождения информации; компетентность и осведомленность лиц, от которых информация исходит и которые ее собирают; соблюдение

общих правил доказывания; соблюдение правил собирания данных определенного вида, гарантирующих от неполноты и искажений; соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации; невключение в информацию догадок и предположений» [53, с. 191].

Очень точной считаем позицию Е.В. Быкадоровой, которая указывала, что «достоверное доказательство – это такое доказательство, содержание и качество которого вызывают высшую степень доверия у субъекта его оценки» [7, с. 126].

Н.А. Громов указывал, что «достаточность доказательств означает их количественное и качественное накопление в материалах уголовного дела, которое позволяет принять по делу то или иное процессуальное решение, в том числе вынести справедливый и обоснованный приговор» [11, с. 30].

А.М. Горнышкова и А.А. Подопригора в свою очередь отмечают, что «одной из самых важных проблем оценки достаточности является определение точного количественного показателя доказательств, необходимого для вынесения приговора по делу. В российском праве не установлено определенного минимума доказательств, на основании которых можно вынести справедливое и законное решение» [9, с. 477].

Рассмотрев мнения авторов и положения уголовно-процессуального законодательства можно сделать вывод, что собирание доказательств, является первым и основообразующим элементом доказывания. Именно в ходе проведения собирания доказательств обнаруживаются, отбираются и в процессуальной форме оформляются сведения, необходимые для разрешения дела. Справедливым считаем и то, что собирание доказательств и его последующая оценка «размываются» в ходе проведения в ряде случаев. Объясняется это тем, что субъект доказывания в ходе проведения расследования зачастую заранее представляет себе какие сведения он будет добывать и каким образом, а потому заранее для себя представляет, как это следует оформить и будет ли полученное сведение являться допустимым. Будучи заинтересованным в положительном результате своей работы, субъект

доказывания основательно планирует свою деятельность, стараясь не допускать обстоятельств при котором доказательство будет признано недопустимым.

Отдельно стоит указать, что законодатель также предоставляет защитнику право по собиранию доказательств, предусматривая соответствующий инструментарий, однако ст. 74 УПК РФ, которая указывает, что именно допускается в качестве доказательств, не предусматривает такого вида доказательств, как сведения или доводы, собранные защитником. Данное обстоятельство обоснованно вызывает некоторые вопросы о роли адвоката-защитника в качестве субъекта доказывания, однако об этом подробнее будет указано позже.

Проверка доказательств подразумевает под собой по большей мере аналитическую деятельность субъекта доказывания по сопоставлению доказательств друг другу, установлению их источников, которая, однако может выражаться и в практической деятельности по получению иных доказательств, которые подтверждали бы предыдущие. По сути своей проверка доказательств является промежуточным этапом, который необходим, но при этом во многом неотделим от собирания доказательств, когда появляется необходимость подтвердить старые сведения новыми. Считаем, что законодатель указывает на данное звено процесса доказывания как на этап, в ходе которого собирающий доказательства должен составить взаимосвязанный каркас из фактических сведений по делу, которые в совокупности бы давали возможность разрешить дело по существу. Также стоит отметить, что проверка в том числе решает и задачи оценки доказательств, поскольку проверка источников доказательства, подтверждение одних сведений другими, напрямую отвечают на вопрос о соблюдении критериев относимости и допустимости доказательств.

Оценка доказательств является процессом мыслительным, аналитическим, который субъект доказывания производит по отношению к собранным доказательствам. Отдельно стоит отметить, что особо важным

является факт того, что оценка производится согласно принципу свободы оценки доказательств.

Исходя из этого принципа следует, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, а при оценке, лицо оценивающее их должно производить оценку по своему внутреннему убеждению, основанному на имеющейся совокупности доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [49].

Критерии оценки, которые вводит законодатель, требует от доказательства быть относимыми, то есть прямо касаться события преступления или иных обстоятельств, требующих доказывания; допустимыми, а значит не нарушать требований уголовно-процессуально закона, что подразумевает в том числе и соблюдение гарантий лиц участвующих в деле, поскольку их прямо гарантирует УПК РФ; достоверными, что подразумевает отражение действительной обстановки случившегося, при этом доказательства должны подтверждаться совокупностью других доказательств, следовать из надежного источника. Это позволяет сделать вывод, что относимость, допустимость и достоверность строго связаны, и являются неотъемлемой частью друг друга. В совокупности доказательствами должны быть достаточными, это говорит о том, что совокупность собранных доказательств должна иметь объем, который позволил бы разрешить уголовное дело по существу.

Также требует внимания факт того, что достаточность – это единственный критерий, который не перекликается с предыдущими напрямую, а касается совокупности уже собранных доказательств. Он является ключевым, разрешающим, поскольку исходя из него суд в конечном итоге и должен сформировать внутреннее убеждение о доказанности события. Достаточность никак не регламентирована в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, не существует указанного законом минимального объема доказательств необходимого для разрешения уголовного дела. Можно отметить, что это является свидетельством соблюдения принципа свободы

оценки доказательств, поскольку решающим является не указанный объем сведений и их конкретная форма, а внутреннее убеждение судьи, которое либо склоняется в пользу доказанности деяния, либо нет. Если бы законодатель указывал о необходимом объеме доказательств по делу, то это автоматически исключало бы уже указанную возможность суда принимать решение, руководствуясь своим внутренним убеждением. Уголовный процесс в данном случае был бы инквизиционным.

Правильным считаем отметить факт наличия такого понятия, как внутреннее убеждение. В Уголовно-процессуальном кодексе не указывается, что оно из себя представляет или должно представлять. Полагаем причиной тому сложность однозначного определения такого понятия, поскольку у каждого человека такое убеждения свои. В силу этого стоит указать, что в данном случае сложно сказать о полной мере объективности такого убеждения, поскольку оно изначально строится на субъективных процессах.

Кроме того, оценку доказательств могут производить также и присяжные заседатели, и если гипотетически мы можем нивелировать субъективность суда, следователя или дознавателя, в силу полученной ими в ходе обучения и практики компетенции, то присяжными заседателями могут являться самые разные по роду своей деятельности граждане. Данное заключение не несет в себе цели поставить под сомнение институт присяжных заседателей. Единственное, мы хотим подчеркнуть это обстоятельства, как очередное свидетельство невозможности достижения истины по уголовному делу как цели доказывания, о чем речь шла ранее.

Вследствие этого интересным для исследования представляется отметить и факт того, что согласно ст. 17 УПК РФ, субъектом оценки выступают и присяжные заседатели. Интерес в данном случае вызывает некий диссонанс, возникающий по причине того, что доказывание является совокупностью элементов, которые друг друга дополняют. Следует признать неоднозначность доказывания в принципе, поскольку оно имеет неоднородный круг субъектов доказывания. В случае собирания

доказательств такими выступают следователь, дознаватель, прокурор и суд, а также допускается участие адвоката-защитника. Проверку же осуществляет дознаватель, следователь, прокурор и суд. Оценку же проводят суд, следователь, дознаватель и прокурор, это прямо следует из ст. 88 УПК РФ, поскольку перечисленным предоставлена возможность признать доказательства недопустимыми, однако статья не указывает о закрытом перечне субъектов оценки. Ввиду этого следует задать вопрос о том, стоит ли считать присяжных заседателей субъектами доказывания или речь в данном случае идет именно о субъекте оценки доказательств? Полагаем, этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения в научных кругах [49].

Следует также указать, что бремя доказывание в нашей стране, согласно ст. 14 УПК РФ лежит на стороне обвинения, однако же защитник, как было указано ранее, имеет право по сбору доказательств, предусмотренное в ст. 85 УПК РФ. Учитывая, что в ст. 14 УПК РФ указано, что обвиняемый не обязан доказывать свои невиновность, одновременно указывается, что сторона защиты может иметь доводы, но не указывается слово доказательства, что в свою очередь ставит вопрос о том, как именно относиться к адвокату-защитнику, рассматривая его в качестве субъекта доказывания [49].

Стоит отдельно учесть, что в обстоятельствах, подлежащих доказыванию, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, не упоминается такого обстоятельства как «возможная невиновность» лица, напротив, имеется такое основание как «виновность». В свою очередь обстоятельства, служащие основанием для освобождения от уголовной ответственности, перечисленные в той же статье, имеют ввиду виновность лица в совершении преступления.

Требуется подметить, что исходя из сути уголовно-процессуального закона, единственным полноправным субъектом доказывания на стадии досудебного производства является следователь. Именно за ним закреплен основной инструментарий по собиранию доказательств, а также независимый процессуальный статус, предусмотренный ст. 38 УПК РФ. Лишь на стадии судебного разбирательства поддержание обвинения переходит к прокуратуре,

а решающим органом становится суд. При этом суд хоть и имеет инструментарий по проведению некоторых следственных действий в процессе судебного разбирательства, он при этом довольно скромнен. С точки зрения нашей позиции, такие полномочия суду предоставлены в целях предоставления ему возможности устранения сомнений, которые могут появиться в ходе рассмотрения дела. И все же, суд следует считать прежде всего субъектом проверки и оценки доказательств. В этом его основная роль. Стоит упомянуть, что адвокат-защитник весьма ограниченно наделен возможностью собирать доказательства. При этом, наша позиция заключается в том, что лицо, которое в какой-либо степени осуществляет хотя бы одну из функций доказывания, следует признавать субъектом доказывания [49].

Исходя из всего указанного можно сделать вывод, что доказывание имеет за собой обвинительный уклон, но к которому при этом допускаются субъекты, имеющие либо статус нейтральный статус, либо статус защиты, которые в разной степени осуществляют свои полномочия. Само доказывание, является деятельностью по формированию доказательств, в целях установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. Однако все эти обстоятельства выглядят таким образом, что может сформироваться заблуждение, что в случае возбуждения уголовного дела уже точно известно, что преступление совершено и нужно лишь собрать доказательства виновности [49].

Выходом из этой дилеммы, оставленной законодателем, является указание в ст. 74 УПК РФ, что доказательствами являются любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, дознаватель определяют наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. В данном случае, сведения, предоставленные защитником о невиновности, в случае, если они будут приняты указанными субъектами, будут являться основой для признания отсутствия того или иного обстоятельства, подлежащего доказыванию, что послужит выражением защиты обвиняемого. Однако

данный вопрос считаем открытым, в силу неопределенности сущности законодательства и требующим дальнейшего научного исследования [49].

По итогам рассмотрения вопросов данной главы, можно предложить следующие основные выводы. Доказывание следует понимать, как процессуальную, преимущественно ретроспективную, познавательно-аналитическую деятельность по формированию необходимого для разрешения уголовного дела по существу объема доказательств. Цель доказывания заключается в формировании достаточного для разрешения уголовного дела объема доказательств. Объем доказательств необходимым для формирования внутреннего убеждения у субъекта доказывания. Содержание процесса доказывания состоит из трех элементов, логически дополняющих друг друга, которые в сумме составляют процесс доказывания. Этими элементами являются собирание доказательств, проверка доказательств и оценка доказательств. При этом каждый элемент доказывания осуществляется разным кругом субъектов, в разной степени, в зависимости от процессуального статуса субъекта и стадии уголовного судопроизводства. Собирание доказательств является деятельностью преимущественно следователя или дознавателя, проверка осуществляется судом, следователем, дознавателем и прокурором. Оценка присутствует на протяжении всего судопроизводства, но решающую роль имеет именно в момент судебного разбирательства, когда она проводится судом и, в некоторых случаях, присяжными заседателями. В доказывании принимают участие как сторона обвинения, так и сторона защиты, а также нейтральные субъекты, такие как суд и присяжные заседатели.

Глава 2 Правовые проблемы доказывания в уголовном процессе России

2.1 Проблемы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела

Стадия возбуждения уголовного дела регламентируется разделом седьмым Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Этот же раздел открывает часть вторую УПК РФ, регламентирующей досудебное производство. Данный этап разбирательства является своеобразным буфером, результаты деятельности которого решают вопрос о том, будет ли в принципе возбуждено уголовное дело. Указанная стадия является простором для спора исследователей, рассуждающих о ее проблемах и задающих вопрос о том, нужна ли она вообще. Далее мы рассмотрим некоторые проблемы данного этапа досудебного разбирательства, в том числе основываясь на опыте авторов, которые данную проблему уже освещали.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ внесены изменения, которые значительно расширили процессуальные возможности субъекта доказывания, осуществляющих деятельность при проверке сообщения о преступлении [54].

После данного изменения круг полномочий по проведению проверочных мероприятий увеличился, законодатель дал больше процессуальных возможностей для проверки сообщения о преступлении. Однако, это же породило некоторые проблемы и неточности законодательства.

Переходя к проблематике данной стадии уголовного судопроизводства. Наличие целого ряда проблем, которые на данный момент имеются в уголовно-процессуальном законодательстве, касающихся регулирования стадии возбуждения уголовного дела, затрудняют процесс получения сведений, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении. Иная проблематика же несет под собой

неоднозначный статус некоторых сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, что на практике приводит к лишним затратам по переоформлению сведений, в целях закрепления их доказательств, либо вообще ведет к тому, что они признаются недопустимыми. К проблемам этой стадии также относится неоднозначность законодательства, касательно применения судебной экспертизы по отношению к участникам проверки сообщения о преступлении. Наконец, проведение осмотра места происшествия в жилище, до сих пор остается спорным моментом, ввиду неопределенности по правомерности ограничения конституционных прав граждан без судебного решения.

Начнем по порядку. В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ указывается, что «при необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении» [49].

Однако в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, указано, что «при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь, дознаватель вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия начальника органа дознания выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается, приобщается к уголовному делу и хранится при нем в условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных участников уголовного судопроизводства. В случаях, не терпящих отлагательства, указанное следственное действие может быть произведено на основании

постановления следователя или дознавателя о сохранении в тайне данных о личности участника следственного действия без получения согласия соответственно руководителя следственного органа, начальника органа дознания. В данном случае постановление следователя передается руководителю следственного органа, а постановление дознавателя - начальнику органа дознания для проверки его законности и обоснованности незамедлительно при появлении для этого реальной возможности» [49].

Данная позиция законодателя представляется не вполне корректной, поскольку ч. 9 ст. 166 УПК РФ говорит о обеспечении мер безопасности в отношении участников уголовного дела. Законодатель указывает про порядок, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ, но изложенный указанный в части порядок не предусматривает мер защиты по отношению к участникам доследственной проверки. Он указывает конкретный ряд субъектов, а именно, потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких лиц и родственников. Указанное обстоятельство, несмотря на наличие отсылки в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ на порядок ч. 9 ст. 166 УПК РФ, указывает о невозможности применение этих мер в отношении участников стадии возбуждения уголовного дела.

Об этом же указывают Л.А. Сержантова и Е.И. Свечникова, их позиция выглядит следующим образом: «часть 9 ст. 166 УПК РФ устанавливает еще более узкий круг субъектов применения мер безопасности – потерпевший, представитель потерпевшего, свидетель, их близкие родственники, родственники и близкие лица. Однако обе эти нормы в качестве субъектов мер безопасности предполагают участников уголовного судопроизводства, то есть лиц, наделяемых процессуальным статусом уже после возбуждения уголовного дела. В этой связи применение меры безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ, невозможно к участникам «доследственной» проверки, не обладающим процессуальным статусом потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства» [47, с 88].

Безусловно, механизмы защиты должны присутствовать и быть четко регламентированы, и в отношении лиц, которые еще не являются субъектами уголовно-процессуальных отношений. Стадия возбуждения уголовного дела, как первая ступень всего процесса. От результатов ее проведения и качества этих результатов, напрямую зависит, будут ли получены в полной мере все сведения, позволяющие констатировать событие преступления, будут ли получены сведения о возможном виновном в совершении этого преступления лице. Опасения за свою жизнь и жизнь своих близких лиц, которые имеют информацию о совершенном деянии более чем обоснованы, а потому недостаточная регламентация мер по защите этих лиц требует корректировки.

Следующая проблема, которую считаем нужным осветить – является проблема правового статуса объяснений, отобранных на стадии возбуждении уголовного дела. Законодатель в ст. 144 УПК РФ указывает, что «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения» [49].

Также указывается, что «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения. Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса» [49].

Приведенное выше говорит о том, что объяснения могут быть включены в объем доказательств, в случае, если дело все-таки будет возбуждено. Однако, правоприменительная практика в данном случае является разносторонней. Прежде всего стоит указать, что в одних случаях объяснения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении признаются доказательствами, а в других нет.

Так, объяснения в ряде случаев признавались недопустимыми доказательствами, в силу отсутствия предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, в силу отсутствия защитника при отбирании объяснений, а также потому, что пояснений или объяснений не

содержится в качестве доказательств в перечне, приведенном в ст. 74 УПК РФ. Об этом, к примеру, свидетельствуют определение четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2021 г. по делу № 77-4196/2021 и определение первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2022 г. № 77-472/2022 [36], [35].

Имеются же и обратные случаи, для примера предоставляем выдержку из определения Конституционного суда Российской Федерации, в которой Конституционный суд встает на защиту объяснений, как возможного вида доказательств, указывая, что «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в пункте 6 части второй статьи 74 признает доказательствами иные, помимо в ней названных, документы, которые допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в статье 73 данного Кодекса (часть первая статьи 84). Иные документы, в том числе объяснения, которые в соответствии с частью первой статьи 144 УПК Российской Федерации вправе получать следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания при проверке сообщения о преступлении, используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности статей 75, 86, 87, 88, 234 и 235 данного Кодекса» [32].

Интерес для исследования вызывает следующий пример. В приговоре Тракторозаводского районного суда г. Волгограда от 25 апреля 2025 г. по делу № 1-194/2025 в отношении Н.А. Болдиной, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, указано, что «в соответствии с п. «и» ч. 1 и ч. 2 ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельств, смягчающих наказание подсудимой Болдиной Н.А., суд признает активное содействие раскрытию и расследованию преступления, поскольку это подтверждается материалами дела и выразилось в даче признательных показаний в ходе дознания, в том числе и до возбуждения уголовного дела

(объяснения от 23.05.2024 т.1 л.д.17-18), которые были даны до 28.06.2024, т.е. до возбуждения уголовного дела» [42].

Данный пример показывает, что объяснения на практике могут признаваться доказательствами. Вывод об этом следует ввиду того, что суд прямо указывает, что данные в ходе стадии возбуждения уголовного дела объяснения подтверждают обстоятельство, подлежащее доказыванию, указанное п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ [49].

Более того, исходя из трактовки суда можно сделать вывод о том, что он признает объяснения в качестве показаний, лишь условно обозначая разницу между объяснениями, данными до возбуждения уголовного дела и показаниями, полученными в ходе производства по уже возбужденному делу. Для раскрытия вопроса следует рассмотреть еще несколько примеров.

В приговоре Медведевского районного суда Республики Марий Эл от 13 мая 2025 г. по делу № 1-89/2025 в отношении В.В. Пьянкова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, указано, что «на судебном заседании подсудимый Пьянков В.В. вину признал, в содеянном раскаялся, оглашенные показания подозреваемого, обвиняемого, в том числе в ходе очной ставки, явку с повинной от <...> года и объяснение от <...> года подтвердил. Оценивая показания подозреваемого, обвиняемого Пьянкова В.В., его явку с повинной, объяснение от <...> года, суд находит их достоверными, последовательными, полученными в соответствие с законом, показания Пьянкова В.В. подтверждаются иными исследованными в суде доказательствами, поэтому суд кладет их в основу приговора» [41].

В данном случае суд не просто указывает, о том, что данные объяснения исследовались и позволяют суду сказать о наличии или отсутствии обстоятельства, подлежащего доказыванию. Здесь суд прямо признает объяснения доказательствами и кладет их в основу приговора. Еще один пример, который говорит о противоречивости судебной практики, касательно вопроса правового положения объяснений в качестве доказательств.

Тем не менее стоит отметить, что признание объяснений в качестве доказательств является распространенной практикой. Объяснения, данные на стадии возбуждения уголовного дела часто признаются судами явками с повинной, если в них содержатся сведения признательного характера. Вопрос о признании объяснений недопустимыми доказательствами обычно возникает в случаях, если обвиняемый не признает вину. В некоторых случаях у лица могут отобрать объяснение, в которых он сначала признает свою вину, но затем, после возбуждения уголовного дела, решает избрать другую линию поведения, иную линию защиты. В таком случае объяснения в ряде случаев могут признаваться недопустимым доказательством.

Об этом можно судить в том числе и по определению первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2021 № 77-4108/2021, в котором суд не подтвержденные подсудимым объяснения, данные в отсутствие защитника признал недопустимым доказательством. Осужденный в кассационной жалобе прямо заявлял о том, что полученные объяснения явились результатом незаконных методов ведения расследования и просил исключить их из объема доказательной базы по делу. Так мы можем наблюдать, что судьба объяснений в качестве доказательств напрямую зависит от того какую позицию в дальнейшем займет подсудимый. Недостаточность регулирования использования объяснений, на наш взгляд, привела к тому, что практическая деятельность субъектов доказывания своим собственным образом адаптируется под условия процесса, что порождает неоднозначную практику по делам, а также обоснованные споры в научных кругах [33].

Заслуживает внимания и следующий пример из судебной практики.

В приговоре Архангельского областного суда от 25 августа 2021 г. по делу № 2-11/2021 в отношении С.М. Федотова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в», ч. 2 ст. 105 УК РФ, указывалось, что, «исследованные объяснения суд оценивает как показания подсудимого и признаёт их допустимым доказательством, поскольку фактически они получены в ходе допроса, проведённого уполномоченным на это лицом

(следователем) в полном соответствии с требованиями ст. ст. 164, 166, 189, 190 УПК РФ, с разъяснением Федотову процессуальных прав, включая право не свидетельствовать против самого себя, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ, с предупреждением о возможности использования данных им показаний в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае последующего отказа от них. При этом Федотову было обеспечено право на защиту, а соблюдение установленной законом процедуры допроса и достоверность изложенных в протоколе сведений заверена как им самим, так и предоставленным ему защитником» [40].

Данный пример качественно отличается от предыдущих, поскольку в нем объяснения, данные до возбуждения уголовного дела буквально признаются показаниями. Суд не признавал данные сведения доказательствами, предусмотренными п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, то есть иными. В этой ситуации объяснения буквально получили процессуальный статус доказательств другого вида, поскольку суд приравнял отобранные объяснения к показаниям, которые отбираются при допросе. Несмотря на указание суда о соблюдении требований, в указанных судом статьях, возникает вопрос о принципиальной возможности такого решения. Непонятно, как проведение процедуры Уголовно-процессуальным кодексом не предусмотренной может удовлетворять некоторым требованиям, перечисленным в указанных выше статьях [49].

Учитывая, что до возбуждения уголовного дела невозможно проведение допроса по определению, ввиду отсутствия непосредственного возбужденного уголовного дела, учитывая невозможность присвоения допрашиваемому соответствующего процессуального статуса и отсутствия указания законодателя о возможности проведения допроса на стадии возбуждения уголовного дела, указанное выше решение суда, на наш взгляд, невозможно считать корректным. Исходя из всего указанного выше возникает лишь один вывод, который заключается в том, что стадия возбуждения уголовного дела

недостаточно регламентирована, в том числе в вопросах объяснений и их процессуального статуса.

Имеются и разносторонние высказывания исследователей, подчеркивающие неоднозначность вопроса, связанного с процессуальным статусом объяснений на стадии проверки сообщения о преступлении.

Например, Л.И. Алексеенко указывает, «так, законодатель, закрепил в ст. 144 УПК РФ право должностных лиц получать объяснения. В целом значимость объяснений неумолима, информация в них содержащаяся, является наиболее полной и «свежей», поскольку получают объяснения в течение непродолжительного срока после совершения преступления. Однако, УПК РФ не регламентирует процессуальный порядок получения объяснений, фиксации его результатов, статус лица, дающего объяснения. Проблемным аспектом также является то, что поскольку объяснения не приравнены к показаниям, следовательно, при производстве данного процессуального действия должностное лицо, осуществляющее проверку сообщения о преступлении, не может предупредить лицо, которое дает объяснения, об уголовной ответственности по ст. ст. 307, 308 УК РФ. Отсутствие угрозы наступления ответственности, в свою очередь, порождает возможность дающего объяснение лица ввести в заблуждения должностное лицо, сообщить информацию, несоответствующую действительности» [1, с. 129].

Разногласия как среди исследователей, так и в среде практики не могут положительно сказаться на защите прав и свобод граждан, на задаче, которую провозглашает уголовно-процессуальное законодательство. Безусловно этот пробел не теоретический, он имеет прямое практическое значение. Указанное обстоятельство породило постоянную правоприменительную проблему. На практике, в связи с неоднозначностью вопроса о применении объяснений в качестве доказательств, правоприменитель обычно повторяет процедуру отбора сведений, полученных из объяснений посредством проведения допроса, даже в случае, если никаких новых сведений у лица не имеется.

Таким образом дознаватель или следователь перестраховывается, закрепляя полученные сведения, посредством придания им иной процессуальной формы.

Справедливым считаем, что это беспочвенная трата сил и времени сотрудников правоохранительных органов и данный вопрос остро требует корректировки законодателем. Указанная проблема имеет множество путей решения, при этом не затрагивая стадию возбуждения уголовного дела кардинально, без необходимости ее ликвидации или существенного изменения, что несомненно породило бы огромные затраты и отразилось бы и на бюджете государства и на загруженности сотрудников органов, поскольку стадия возбуждения уголовного дела – служит своеобразным фильтром, не допускающим в производство в том числе и беспочвенные сообщения о преступлении, однако, Этот аспект, роль стадии возбуждения уголовного дела в качестве фильтра, однако, также имеет различные точки зрения.

Следующая проблема касается некоторой неясности касательно возможности проведение судебно-медицинской экспертизы в отношении участника досудебного производства.

Об этом, например, указывала И.И. Федулова, позиция которой выглядит так: «УПК РФ содержит перечень лиц, в отношении которых допустимо назначение и производство экспертизы. Это – подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель. После возбуждения уголовного дела у них появляются процессуальные права по отношению к постановлению о назначении экспертизы или его заключению. Однако в соответствии с действующим законодательством такой статус у перечисленных субъектов отсутствует при проверке сообщения о преступлении» [56, с. 108].

Об этом указано в ч. 4 ст. 195 УПК РФ «судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2, 4 и 5 статьи 196 настоящего Кодекса, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде.

Судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела» [49].

Справедливо подмечен тот факт, что ст. 195 УПК РФ указывает о процессуальном статусе участников по уже возбужденному уголовному делу и примечание, которое говорит о возможности проведения ее на стадии возбуждения уголовного дела не поясняет нам как ее проводить в отношении лица, хотя такая ситуация и потребность в судебно-экспертном исследовании может возникнуть. Результаты же подобного исследования прямым образом могут влиять на решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, более того, своевременное назначение такого исследования, не дожидаясь возбуждения уголовного дела прямо может дать необходимые сведения, которые будут иметь статус доказательств в ходе уголовного-процесса. Указанная неточность несомненно, по нашему мнению, подлежит корректировке законодателем.

Отдельно стоит отметить проблему сущности доказывания на стадии возбуждения уголовного дела. С одной стороны, она безусловно имеет элементы доказывания по существу, ее результаты, результаты экспертиз, протоколы осмотров места происшествия, в некоторых случаях объяснений и др. процессуальных мероприятий, имеют в случае возбуждения статус доказательств. При этом такие результаты нередко являются важнейшими в объеме доказательств по делу. Утрированным примером тому может служить ситуация, где в ходе осмотра места происшествия обнаруживаются следы крови, отпечатки пальцев преступника, оставленные в ходе совершения деяния. Будучи собранными на стадии досудебного разбирательства данные сведения будут иметь важнейшее значение после возбуждения уголовного дела.

С другой стороны, первоначально результаты этих действий не являются доказательствами, они получают данный статус позже. Целью же стадии проверки сообщения о преступлении – является выяснение наличия оснований для возбуждения уголовного дела или же нет. Доказывание же, которое

проводится в ходе возбужденного уголовного дела, имеет целью формирования достаточного объема доказательств, позволяющих ответить на вопрос о наличии или отсутствии обстоятельств, которые доказыванию подлежат, что в свою очередь позволяет разрешить уголовное дело по существу.

Исходя из указанного, считаем правильным, что стоит все же разделять мероприятия осуществляемые на стадии возбуждения уголовного дела от доказывания, которое проводится в рамках уже возбужденного уголовного дела, ввиду разных целей данных процессов. Кроме того, остается открытым вопрос инструментария, применяемого субъектом доказывания в ходе проверки сообщения о преступлении. Возвращаясь к вопросу о статусе объяснений, которые с одной стороны закон разрешает отбирать, с другой стороны не имеет нормы, которая это было регулировала полноценно.

Следует указать и вопрос, касающийся осмотра места происшествия, когда данная процедура производится в жилище. С одной стороны, требуется как можно быстрее провести мероприятие, чтобы определить наличие следов преступления, с другой, в такой ситуации не требуется судебного решения, ограничивающего конституционные права граждан на неприкосновенность жилища.

Об этом же указывает О.В. Шипунова, подмечает, что, «к сожалению, законом при регулировании порядка проведения осмотра места происшествия, являющегося жилищем, в рамках доследственной проверки, в случае отсутствия согласия проживающих в нем лиц либо отсутствия таковых, в отличие от осмотра жилища после возбуждения уголовного дела, не соблюден конституционный принцип неприкосновенности жилища» [60, с. 53].

Если в случае возбужденного уголовного дела требуется провести осмотр жилища, то Уголовно-процессуальный кодекс России прямо предусматривает в ч. 5 ст. 177, что «осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следовательно

возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со статьей 165 настоящего Кодекса» [49].

В случае досудебного разбирательства ситуация остается неразрешенной. В данной ситуации появляется большой вопрос, а будут ли признаны сведения, полученные при проведении осмотра места происшествия в жилище допустимыми доказательствами, не считая уже указанной проблематики о допустимости ограничения конституционных прав граждан в такой ситуации.

2.2 Проблемы участия адвоката-защитника в доказывании

Участие защитника в уголовном процессе является неотъемлемой частью исполнения Основного закона государства, а именно ст. 48 Конституции РФ, гарантирующей право на получение квалифицированной юридической помощи, а также право на использование помощи адвоката-защитника задержанному, заключенному под стражу или находящемуся под обвинением лицу [22].

Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность пользоваться помощью адвоката-защитника участникам досудебного разбирательства, согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ [49].

Следует согласиться с А.Р. Карачуриным, который отмечает, что «успешная работа адвоката и обеспечение государственных гарантий адвокатской деятельности является важнейшей гарантией осуществления правосудия» [19, с. 29].

К сожалению, участие такого процессуального лица как адвокат-защитник в уголовном-процессе, в том числе в процессе доказывания, не лишено собственного спектра проблем. Так первостепенной и комплексной проблемой участия адвоката-защитника в доказывании является неравный объем процессуальных возможностей в уголовном процессе, между защитником и субъектом уголовного преследования. Принцип

состязательности, провозглашенный в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в ст. 15 УПК РФ, де-факто не реализуется в полном объеме.

В ч. 4 ст. 15 УПК РФ указано, что «стороны обвинения и защиты равноправны перед судом» [49].

Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 N 430-О, гласит о том, что «как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, необходимой гарантией судебной защиты и справедливого разбирательства дела является равно предоставляемая сторонам реальная возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда, поскольку только при этом условии в судебном заседании реализуется право на судебную защиту, которая должна быть справедливой, полной и эффективной» [31].

Мы резюмировали о наличии проблемы несоблюдения принципа состязательности в полном объеме и неравного объема процессуальных возможностей, потому будет правильным подтвердить нашу точку зрения следующими замечаниями исследователей, которые также освещали ее.

Так, например, Р.Р. Валюлин касательно собирания доказательств защитником указывает, что «согласно закону способом сбора доказательств адвокатом является приобретение предметов, которые могут выступать в роли вещественных доказательств только после их приобщения в качестве таковых, то есть после обращения к следственному органу с ходатайством с указанием источника приобретения. Иными словами, приобрести предмет адвокат может только в добровольном порядке, не имея права на принудительное изъятие. На сегодняшний день права, принадлежащие адвокату в уголовном процессе, отождествляются с правами его участников, которые имеют права на сбор и представление документов и предметов для приобщения к материалам дела в качестве доказательств» [8, с. 66-67].

Важно отметить мнение В.А. Колядиной и В.А. Волколуповой касательно возможности защитника по собиранию доказательств, они

указывали, что «важным моментом является то, что, несмотря на законодательную формулировку, которая в ст. 86 УПК РФ буквально выражена, как «защитник вправе собирать доказательства путем...», результаты проведения защитником мероприятий по сбору доказательств сами по себе не могут быть признаны судом в качестве доказательств по следующим причинам. Сведения, полученные в результате проведения следственных и иных процессуальных действий, будут признаны доказательством, если они получены компетентными лицами, указанными в ч. 1 ст. 86 УПК РФ и в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Данные лица, согласно действующему законодательству, имеют право на сбор таких доказательств, которые обладают свойствами относимости, допустимости, достоверности и достаточности, согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ» [20, с. 111].

Также они же указывают, что «можно отметить, что на практике защитник имеет закрепленное в уголовно-процессуальном законодательстве право собирать доказательства. Однако, норма, закрепляющая это право, носит во многом декларативный характер, поскольку в реальной действительности некоторые собранные защитником доказательства нередко являются лишь такими сведениями, которые не признаются судом юридически значимыми доказательствами. Они сами по себе не всегда могут оцениваться относительно их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, поскольку, защитник, с точки зрения закона, не всегда признается надлежащим субъектом собирания доказательств, несмотря на то, что как участник стороны защиты в уголовном судопроизводстве, он наделен правом на участие в процессе доказывания» [20, с. 112].

О неравенстве сторон также указывает и Т.С. Жидкина, делая вывод, что «существующее законодательство ограничивает возможности защитника по самостоятельному сбору доказательств, что создает определенный дисбаланс между сторонами обвинения и защиты» [16, с. 208].

Похожего мнения о неравенстве защиты и обвинения придерживается и А.А. Афанасьева, указывая на отсутствие в законе четкого указания на

доказательства, собранные защитником, она пишет, что «часть 2 ст. 86 УПК РФ регламентирует следующие способы собирания доказательств, реализуемые стороной защиты: получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Стороной защиты для доказывания фактов невиновности подозреваемого и обвиняемого может быть привлечен специалист с целью разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 53, 58 УПК РФ). Наделив сторону защиты полномочием по сбору доказательственной базы, законодатель признает защитника субъектом доказывания. В то же время в ч. 1 ст. 74 УПК РФ не упоминается о защитнике как субъекте оценки доказательств. В данном случае законодатель обратил внимание только на сторону обвинения и суд. В современных условиях в правоприменительной практике защитник однозначно не является субъектом доказывания, равным стороне обвинения. У стороны защиты имеется право собирать доказательства, но уголовно-процессуальным законом не определено, к какому виду доказательств их необходимо причислять» [4, с. 60].

И также она приводит следующие доводы, «в процессе судебного разбирательства судья, отвергая одно доказательство, обязан в окончательном решении обозначить основание его отклонения. Основной причиной непризнания заключения специалиста в качестве доказательства является судебное суждение о том, что это позиция специалиста, который к тому же не был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, в отличие от эксперта. Иными словами, заключение специалиста, представленное стороной защиты, обладает меньшим «доказательственным потенциалом» не только по сравнению с заключением эксперта, но и по сравнению с заключением специалиста, привлеченного стороной обвинения» [4, с. 63].

Т.П. Макашова рассматривая деятельность адвоката защитника, указывала следующее: «при допустимости доказательств, собранных стороной защиты, также ситуация неоднозначная. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК предметы, документы, сведения, полученные при опросе защитником, по своему содержанию могут являться доказательствами, но без процессуального оформления судом, прокурором, следователем или дознавателем не могут быть признаны допустимыми» [26, с. 283].

Она также отмечает, что «еще больше вопросов вызывает оценка результатов опроса, проведенного адвокатом при реализации полномочий, указанных в ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и ст. 86 УПК РФ. Показания (информация), полученная адвокатом в ходе такого опроса заносится в опросный лист. В УПК РФ не закреплён такой вид доказательства, ни его форма, ни содержание» [26, с. 283-284].

Невозможность осуществление адвокатом-защитником равного по процессуальным возможностям комплекса мероприятий по доказыванию доводов стороны защиты безусловно ставит под вопрос само существование принципа состязательности сторон в уголовном процессе, особенно на стадии досудебного производства. Законодатель в некоторой степени считает адвоката-защитника субъектом доказывания, за счёт предоставления возможности по собиранию доказательств, пусть и с крайне ограниченным инструментарием, по сравнению с субъектом доказывания со стороны обвинения, но в то же время ставит его в полную процессуальную зависимость, касательно приобщения собранных сведений. Защитник может ходатайствовать о приобщении собранных сведений к материалам дела, однако сторона обвинения в лице следователя или дознавателя может и отклонить такое ходатайство. В прочем, как и суд, в некоторых случаях.

Следует признать, что на стадии судебного разбирательства состязательность сторон соблюдается в более полной мере, к примеру, согласно ч. 4 ст. 271 УПК РФ «суд не вправе отказать в удовлетворении

ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон» [49].

В ч. 1 ст. 271 УПК РФ также указывается, что «председательствующий опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов» [49].

А также ст. 286 УПК РФ гласит, что «документы, представленные в судебное заседание сторонами или истребованные судом, могут быть на основании определения или постановления суда исследованы и приобщены к материалам уголовного дела» [49].

Однако от результатов проведения предварительного расследования во многом будет зависеть исход дела, а потому, ввиду отсутствия у адвоката-защитника в равной степени участвовать в формировании доказательств на указанной стадии, сторона защиты часто сталкивается с тем, что она не может полноценно сформировать объем сведений, который позволил бы эффективно отстаивать позицию подсудимого.

В частности, в апелляционном постановлении Волгоградского областного суда от 14 мая 2025 года по делу № 22-1724/2025 было указано, что «непроведение следователем необходимых, по мнению адвоката, процессуальных действий, в том числе неистребование сведений о месте нахождения сотовых телефонов потерпевших в момент их хищений, а также до и после совершения хищений, как и данных с камер видеонаблюдения с банкомата, не свидетельствует о нарушении при производстве предварительного следствия уголовно-процессуального закона, и при наличии совокупности иных исследованных в судебном заседании и приведенных в приговоре доказательств, обоснованно признанной достаточной, о незаконности осуждения Горбунова В.К. не свидетельствует» [2].

На данном примере мы можем видеть, что суд не усматривает нарушения уголовно-процессуального закона в этой ситуации, однако, мы с такой позицией суда согласиться не можем. К сожалению, подобные примеры

не единичны. Ситуация, как было указано и ранее, отягощается невозможностью независимо от органа расследования проводить собирание доказательств. В конечном итоге, на практике, в суд может попасть дело, в котором достаточным образом отражена только позиция обвинения. Поскольку суд разрешает уголовное дело ввиду сформированности у него внутреннего убеждения, наличие полноты доказательной базы только со стороны обвинения и отсутствие таковой у стороны защиты, с большой долей вероятности может привести суд к выводу о виновности лица. В случае же, если суд при этом занимает позицию обвинения изначально, положение подсудимого становится еще более печальным. Согласно ст. 14 УПК РФ, сторона обвинения должна опровергать доводы защиты, однако на практике, в силу зависимости стороны защиты от стороны обвинения, сама возможность формирования таких доводов существенно подрывается [49].

Также стоит рассмотреть следующий пример, в апелляционном приговоре Алтайского краевого суда от 25 февраля 2021 года по делу № 22-652/2021, указывалось, что «доводы Леонова Р.П. о необоснованном отказе следователем в удовлетворении ходатайства о проведении - очных ставок между ним и сотрудниками уголовного розыска, а также свидетелями Д., Л., К., являются безосновательными. В силу положений ст. 38 УПК РФ следователь, являясь должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа. В связи с изложенным, вопрос о проведении отдельных следственных действий является исключительно прерогативой следователя» [3].

Несмотря на указанное в ч. 2 ст. 159 УПК РФ обстоятельство, которое указывает, что подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также

другим, указанным в статье участникам процесса не может быть отказано в проведении экспертизы, допросе свидетелей и производстве других следственных действий, если обстоятельства, которые они просят выяснить путем производства данных мероприятий, имеют значение для уголовного дела. Однако это не лишает следователя возможности не проводить указанные действия и мотивированно отказать в удовлетворении ходатайства, поскольку в силу ст. 38 УПК РФ он остается независимым процессуальным лицом. Обжалование отказа следователя или дознавателя в производстве таких действий в соответствии со ст. 125 УПК РФ не приносит результатов, ввиду того, что суд ограничивается разрешением вопросов о законности ограничения конституционных прав лиц, участвующих при производстве [49].

Таким образом законодатель с одной стороны предусматривает гарантии на участие в собирании доказательств стороны защиты, с другой стороны не предусматривает возможности должного контроля за решениями следователя или дознавателя, хотя субъект доказывания может быть заинтересован в игнорировании доводов защиты и намеренно устанавливать только те обстоятельства, которые подкрепляли бы обвинение. Обжалование его действий руководителю следственного органа и прокурору не представляется возможным назвать беспристрастной мерой контроля, ввиду того, что и руководитель следственного органа, и прокурор, остаются субъектами доказывания со стороны обвинения.

Стоит учесть, что в случае, если на стадии досудебного разбирательства сторона обвинения отказывает в удовлетворении ходатайства о допросе отдельных лиц, в ходе судебного разбирательства это сделать запрещает закон. То же касается допроса специалиста в судебном разбирательстве, это прямо указано в законе. В отличии от стороны обвинения, которая по тем или иным причинам может на стадии досудебного разбирательства отклонять ходатайства о приобщении сведений, собранных стороной защиты, на стадии судебного процесса по делу, в силу нейтральной позиции суда, последний с большей вероятностью согласится приобщить и исследовать таковые. Но даже

в этом случае суд может отказать в приобщении документов или доказательств, в то время как со стороны обвинения уголовное дело поступает с собранным по усмотрению следователя или дознавателя (разумеется, после утверждения прокурором) объемом доказательств.

Наделение защитника правами по собиранию доказательств, с точки зрения УПК РФ, признает адвоката субъектом доказывания. Совместно с этим, идет его постановка в полную зависимость от субъекта доказывания со стороны обвинения касательно вопроса приобщения собранных сведений. Считаем данное решение законодателя некорректным. В совокупности со скромным процессуальным инструментарием адвоката-защитника, его зависимость от стороны обвинения только усугубляет проблему полноценной реализации принципа состязательности в уголовном процессе.

2.3 Проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности

Далее мы переходим к освещению проблем использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, но перед этим стоит уточнить, что из себя представляет оперативно-розыскная деятельность и какие есть основания для ее проведения.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ Об оперативно-розыскной деятельности, «оперативно-розыскная деятельность - вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее - органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств» [55].

Согласно ст. 7 того же федерального закона, «основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются:

- Наличие возбужденного уголовного дела.
- Ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о: признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации; лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания; лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов.
- Поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве» [55].

Также согласно тому же закону, «результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации, для принятия решений, указанных в части третьей статьи 7 настоящего Федерального закона. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут

служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных настоящим Федеральным законом» [55].

Наиболее важной для нас является возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, что прямо предусмотрено ст. 89 УПК РФ, которая гласит, что «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом» [49].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 О судебном приговоре следует, что «суду следует иметь в виду, что использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно только в том случае, когда такие мероприятия проведены для решения задач, указанных в статье 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ Об оперативно-розыскной деятельности, при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных статьями 7 и 8 указанного Федерального закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий. Например, произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества - подвергнуты экспертным исследованиям; лица, участвовавшие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, - при необходимости допрошены в качестве свидетелей» [39].

Следует также рассмотреть существующие различные мнения авторов в научной литературе, касательно использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании.

С.Б. Россинский указывал, что «результаты оперативно-розыскной деятельности традиционно относят к так называемой не процессуальной информации, чем объясняется невозможность их использования в качестве равных доказательств по уголовному делу» [43, с. 71].

С.А. Шейфер отмечал, что «любой вид непроцессуальной информации не обладает свойством допустимости. В первую очередь это объясняется способами ее получения, свободными от формы, накладываемой уголовно-процессуальным законом на приемы познания, вследствие чего полученные результаты всегда являются менее надежными, чем полученные процессуальным путем» [13, с. 111].

А.В. Гриненко же в свою очередь указывает следующее: «процессуальное приобщение и последующее исследование материалов отнюдь не исключает того, что в ходе оперативно-розыскных мероприятий могут быть нарушены требования действующего законодательства. На практике же это производится следующим образом. После производства того либо иного оперативно-розыскного мероприятия руководитель органа, осуществляющего ОРД, выносит постановление о рассекречивании материалов, которые впоследствии передаются следователю и приобщаются к материалам уголовного дела. При этом ход и результаты самого такого мероприятия никто под сомнение не ставит» [10, с. 235].

Справедливо замечание А.Б. Костенко, который отмечал, что «на практике правоприменитель идет по пути наименьшего сопротивления, то есть вводит результаты ОРД в процессуальное поле доказывания по средствам проведения следственных действий, направленных на «узаконивание» готовых результатов, а не получение непосредственно доказательств в рамках УПК РФ. Другими словами, проводится, например, осмотр результатов ОРД,

и они признаются доказательствами в рамках проведенного следственного действия» [24, с. 113].

М.А. Сорокин высказывает следующую позицию: «формирование этих результатов происходит вне уголовно-процессуальной деятельности. Следовательно, они не могут отвечать требованиям относимости, которые предъявляются к доказательственной базе, формируемой в соответствии с уголовным процессом. Исходя из того, что результаты ОРД получают не из процессуальных источников, они не отвечают требованию допустимости, которое предъявляется к форме доказательств. Результаты ОРД могут использоваться как основа, на которой могут быть сформированы доказательства в уголовном судопроизводстве» [48, с. 251-252].

Касательно соблюдения критерия относимости, согласится с замечаниями М.А. Сорокина не представляется возможным, ввиду того, что данный критерий оценки указывает о том, что полученные сведения должны относиться к событию преступления. Вопрос в данном случае не стоит о том, получены они в ходе уголовно-процессуальной деятельности, либо же нет. Главное, чтобы сведения, полученные таким образом, относились к событию преступления.

Однако, замечания о допустимости таких сведений, действительно, стоит признать состоятельными. С формальной точки зрения результаты оперативно-розыскной деятельности имеют иную правовую природу, они собираются не согласно уголовно-процессуальному законодательству, а в соответствии с федеральным законом, регулирующим проведение таких мероприятий. Таким образом следует признать, что о соблюдении норм УПК РФ в данном случае не может идти и речи, поскольку процедура в корне отличается. Критерий допустимости, указанный в законе, является обязательным, а потому приходится сделать вывод о том, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, с точки зрения УПК изначально является недопустимым. И все же, на практике подобные результаты применяются активно.

Относительно допустимости, в подтверждение своей позиции, укажем, что, согласно ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми» [49]. К ним также относятся «иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса» [49]. Наконец согласно ст. 89 УПК РФ «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом» [49]. Как было указано ранее, соблюдения критерий допустимости при использовании результатов ОРД невозможно, а потому, формально, любое такое доказательство нужно считать недопустимым.

Оперативно-розыскная деятельность является крайне важным инструментом, как при доказывании по конкретному уголовному делу, так и в качестве серьезного средства противодействия преступности в целом. Это обусловлено неординарными полномочиями, а также возможностью вести мероприятия негласным образом. Характер оперативно-розыскной деятельности сам по себе крайне специфичный, особенный. Зачастую лицо, в отношении которого производятся оперативно-розыскные мероприятия, об этом даже не догадывается. Невозможность полного соблюдения требований Уголовно-процессуального кодекса по отношению к сведениям, которые добываются на совершенно иных принципах, не вызывает удивления. При этом формируется неприятное обстоятельство. С одной стороны, имеет необходимость в уголовном процессе результаты оперативно-розыскной деятельности оставить и активно использовать, с другой, по сути своей, каждый раз использование таких доказательств будет означать нарушение уголовно-процессуального закона. Однако, разумеется, далеко не все результаты оперативно-розыскной деятельности признаются недопустимыми. И тем не менее, в интересах исследования стоит рассмотреть некоторые прецеденты, в которых результаты ОРД признавались недопустимыми доказательствами.

Так, например, в определении первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2021 № 77-4135/2021 указывается следующее: «при таких обстоятельствах вызывает сомнение правомерность действий сотрудников правоохранительных органов, которые при отсутствии достоверной информации о занятии Б. противоправной деятельностью, связанной с установкой контрафактного программного обеспечения, своими действиями фактически сформировали у него умысел на совершение преступления. Исходя из требований справедливого суда, предусмотренных ст. 6 Европейской Конвенции О защите прав человека и основных свобод, общественные интересы в борьбе против нарушений авторского права не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации органов полиции. В соответствии с ч. 3 ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, толкуются в пользу обвиняемого. При постановлении обвинительного приговора в отношении Б. судом не были учтены условия, при которых состоялась «проверочная закупка», и не проверено соблюдение при этом требований закона об оперативно-розыскной деятельности» [34].

Ввиду наличия провокации со стороны сотрудников полиции, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, кассационная инстанция приговор и апелляционное определение отменила [34]. В силу того, что следователь, сотрудник органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность зачастую зависят от своевременного выполнения своеобразного плана по показателям раскрываемости, а также в силу их неправильной оценки ситуации, можно предположить, что факт провокации не учитывался намеренно. Альтернативной причиной может служить недостаточная компетентность или неопытность сотрудников. Однако возникают вопросы к государственному обвинителю, который утверждал и поддерживал обвинение, а также сразу к двум судебным инстанциям, которые не нашли нарушений закона. Если рассматривать позицию, предполагая

добросовестность лица, проводящего расследование, стоит задуматься о том, насколько тщательно им была проведена проверка доказательств, поскольку ввиду исключения из объема доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности, суд не усмотрел других свидетельств виновности лица. Мы также можем отметить, что обвинение может формироваться вокруг результатов оперативно-розыскной деятельности, но при этом лицо производящее расследование все также не может в полной мере оценить процедуру получения таких доказательств с точки зрения законности, ввиду невозможности проследить всю процедуру получения таких сведений от начала и до конца.

Из определения шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2021 № 77-5864/2021 следует, что «однако вопреки задачам оперативно-розыскной деятельности, после того как 11 февраля 2014 года сотрудники полиции уже выявили факт сбыта З.А.АА. наркотического средства, они не пресекли его действия, а вновь 17 февраля 2014 года посредством действий привлеченного лица ФИОЗ провели повторное оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» в отношении уже известного им лица. При этом действия оперативных сотрудников, связанные с продолжением оперативной деятельности в отношении З.А.АА. с целью документирования его преступной деятельности, не вызывались необходимостью, поскольку проверочная закупка 17 февраля 2014 года проводилась не с целью выявления канала поступления наркотических средств осужденному или установления иных лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств. Каких-либо новых обстоятельств в ходе проведения этого мероприятия выявлено не было. Согласно ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ» [37].

В конечном итоге, кассационная инстанция исключила один из эпизодов по покушению на сбыт наркотических средств у осужденного, вследствие чего смягчила осуждение с двенадцати лет лишения свободы до десяти лет и девяти месяцев [37].

Стоит указать, что и в данном случае результаты оперативно-розыскной деятельности являлись базисом для обвинения. И тем не менее, несмотря на это, в процессе доказывания на стадии предварительного расследования, а также и в процессе судебного разбирательства, в том числе и при рассмотрении дела апелляционной инстанцией, нарушений обнаружено не было. Разумным приводится и суждение, которое заключается в том, что следователь или дознаватель, в своей профессиональной деятельности не руководствуется законом, который регулирует оперативно-розыскную деятельность. Потому, даже при наличии самых светлых намерений, указанные субъекты доказывания, не всегда могут оценить результаты оперативно-розыскной деятельности правильно. В очередной раз встает вопрос о возможности наличия убежденности в правильном проведении процедуры получения таких доказательств. Так или иначе, наряду с этим возникает вопрос о добросовестности оперативных сотрудников, прокурора и судов, особенно первой инстанции. В данной ситуации, в случае, если лицо не стало бы обжаловать решение суда вплоть до кассационной инстанции, оно бы отбывало более длительное наказание, необоснованное при этом, с точки зрения закона.

По итогам рассмотрения вопросов данной главы, можно предложить следующие основные выводы.

Стадия возбуждения уголовного дела, не может расцениваться, как стадия на которой производится полноценное доказывание, ввиду наличия иной цели и ограниченного инструментария. Тем не менее, на данном этапе производится комплекс мероприятий, результаты которого могут стать доказательствами по уголовному делу. Данный этап досудебного разбирательства имеет ряд проблем, а именно: неточность регулирования мер

защиты по отношению к лицам, которые могут иметь крайне важные сведения для разрешения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, а также для разрешения уголовного дела по существу, если основания для возбуждения дела будут установлены; отсутствие полноценной регуляции статуса объяснений, как возможного вида доказательств и наличие вследствие этого неоднозначной судебной практики; недостаточность регулирования проведения осмотра места происшествия в жилище на стадии проверки сообщения о преступлении, а как следствие открытый вопрос о законности подобного мероприятия без получения судебного решения; неточность в определении возможности о проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении участника стадии возбуждения уголовного дела.

Участие в доказывании адвоката-защитника содержит следующие проблемы: сторона защиты имеет меньший по сравнению со стороной обвинения объем процессуальных полномочий по собиранию доказательств; сторона защиты также процессуально зависима от стороны обвинения на стадии досудебного разбирательства, поскольку вопрос о закреплении доказательств разрешает лицо производящее расследование, которое в свою очередь процессуально независима; судебный контроль до стадии судебного разбирательства осуществляется лишь касательно ограничения конституционных прав и свобод граждан, а также их доступа к правосудию, что делает невозможным принуждение лица, производящего расследование к проведению отдельных следственных действий, ввиду процессуальной независимости последнего; обжалование отказов в удовлетворении ходатайств руководителю органа расследования и прокурору не может считаться в полной мере эффективной, поскольку оба выступают на стороне обвинения.

Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности содержит следующие проблемы:

- результаты оперативно-розыскной деятельности имеют статус непроцессуальных сведений, имеющих иную правовую природу, а

потому не могут полноценно отвечать требованию критерию допустимости, применимого к доказательствам;

- субъект доказывания не проводит процедуру сбора таких сведений самостоятельно, а потому не может ручаться за то, были ли допущены нарушения, при производстве оперативно-розыскных мероприятий;
- необходимость закрепления результатов оперативно-розыскной деятельности процессуальным путем вызывает дополнительные затраты сил и времени у субъекта доказывания, что негативно влияет на процесс доказывания в целом;
- результаты оперативно-розыскной деятельности могут составлять базис для обвинения, при этом оставаясь противоречивыми доказательствами;
- оперативно-розыскная деятельность является важнейшим инструментом в борьбе против преступности, а значит несмотря на ее противоречивый характер с точки зрения уголовно-процессуального закона, отказаться от нее на сегодняшний день не представляется возможным.

Глава 3 Нравственные проблемы доказывания в уголовном процессе России

3.1 Нравственные основы доказывания в уголовном процессе России

В начале данного параграфа следует указать, что в принципе можно понимать под нравственностью. На самом деле этот вопрос сложный и комплексный, если пытаться разобраться в его сущности – можно быстро прийти к выводу, что однозначного и одностороннего понимания нравственности нет. Более того, существуют отдельные споры касательно того, являются ли понятия мораль и нравственность тождественными.

О.А. Бахчиева указывает следующее, «мы видим, с одной стороны, как философские понятия мораль и нравственность стоят рядом, а с другой стороны, они не тождественны. Мораль – это сфера общественных норм, а «нравственность» связана с индивидуальным самоопределением личности. Моралью можно считать соответствующие явления сознания, высшие принципы, идеалы, а нравственностью – сложившиеся нормы поведения личности» [5, с. 148].

Поскольку как уже было сказано нет и не может быть единой позиции касательно вопроса нравственности ввиду сложности этого понятия, а также его зависимости как от множества факторов, имея ввиду общество, личные качества человека, и другие обстоятельства. Целесообразным полагаем представлять себе нравственность как понятие, означающее наличие у человека совокупной системы понятий о добре и зле, хорошем и плохом, допустимом и не допустимом с бытовой, человеческой точки зрения, поведении в социуме, которые при этом отражают в той или иной степени идеалы морали. При этом при дальнейшем рассмотрении вопроса мы будем исходить из того, что нравственность у субъекта доказывания заключается также и в его добросовестном отношении к своей деятельности, уважении прав

и свобод лиц, участвующих в деле, усердии и желании справедливого разрешения дела, а также постановку блага общественного выше, чем благо собственное.

В уголовном-процессе России в целом, а потому и в процессе доказывания, как в одном из важнейших столпов процесса имеются прямые указание на нравственные принципы, как основополагающие при производстве.

Так, например, мы, разумеется, можем найти указание на это прямо в преамбуле Конституции России, в которой перечислено в том числе и следующее «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» [22].

Также следует указать, что в ст. 21 Конституции РФ провозглашается, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» [22].

Тоже самое указывается и в ст. 9 УПК РФ, которая гласит, что «в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» [49].

Стоит отметить, что нормы УПК РФ в целом пронизаны представлениями о нравственном, уважающем достоинство личности, более того, эти нормы прямо гарантируют их соблюдение.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает невозможность проведения допроса более четырех часов без перерыва, а максимальный срок

допроса составляет восемь часов, при этом один час выделяется на прием пищи [49].

В ст. 280 УПК РФ, например, указывается, что «при участии в допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до шестнадцати лет, а по усмотрению суда и в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет участие педагога или психолога обязательно» [49].

В той же статье указывается и следующее: «в целях охраны прав несовершеннолетних по ходатайству сторон, а также по инициативе суда допрос потерпевших и свидетелей, не достигших возраста восемнадцати лет, может быть проведен в отсутствие подсудимого, о чем суд выносит определение или постановление» [49].

Касательно допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с участием психолога или педагога, а на стадии судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, можно выдвинуть противоположный аргумент, что данное решение обусловлено наиболее эффективным ожидаемым результатом по получению сведений, ввиду возможности психолога найти наиболее лучший подход. А на стадии судебного разбирательства, в целях избежать зрительного контакта с виновным лицом, который может вызвать страх, что помешает получению данных о фактических обстоятельствах. Однако данный аргумент считаем спорным. С одной стороны – это действительно разумный довод, тем более, что возможность задавать вопросы таким свидетелям у подсудимого после их отбирания остается. С другой стороны, считаем, что в данном случае нужно полагать о комплексности данных мер. С одной стороны, эффективность, а с другой отсутствие давления на такого свидетеля или потерпевшего, как проявления нравственного аспекта на процессе доказывания. Тем более, что в статье указана цель таких действий – охрана прав несовершеннолетних участников процесса.

Также стоит указать об однозначных аргументах в пользу соблюдения нравственного аспекта, например, в ч. 1 ст. 280 УПК РФ указывается, что «допрос с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в

возрасте до семи лет не может продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности - более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет - более одного часа, а в общей сложности - более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет - более двух часов, а в общей сложности - более четырех часов в день» [49].

В данном случае неоднозначности быть не может, и мы приходим к выводу соблюдения той части нравственного аспекта, которая заключается в обеспечении отсутствия давления, излишнего стресса, негативных эмоций, которые несовершеннолетний участник процесса так или иначе может испытывать, особенно, если он при этом является потерпевшим.

Стоит упомянуть и то, что указано в ч. 3 ст. 164 УПК РФ указывается о невозможности проведения следственных действий в ночное время, за исключением случаев не терпящих отлагательств [49].

Кроме того, одним из важнейших подтверждений этой же позиции, служит наличие такого обстоятельства, подлежащего доказыванию, как обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, указанные в п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, что прямо говорит о том, что законодатель стремится и к учету сведений о том, какой человек подпадает под обвинение [49].

Подлежат доказыванию и обстоятельства смягчающие наказание, в число которых входят например такие обстоятельства, как совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств, что буквально является подтверждением того, что законодательство берет в расчет, что человек мог совершить преступление без злого умысла, а к примеру, потому, что оказался не в то время, не в том месте [49].

Это же подтверждается согласно ст. 61 УК РФ, которая предусматривает такие обстоятельства, как несовершеннолетие преступника, беременность, течения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, а также в силу противоправности или аморальности поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления. К ним же относится и явка с повинной,

как добровольно желание лица сознаться в преступлении. Все эти обстоятельства подлежат доказыванию [51].

Все это говорит о стремлении законодателя к гуманизации уголовно процесса и доказывания в частности, об уважении к его чувствам и возможным нравственным страданиям к участникам процесса. Учитываются личные качества, проявленные в том числе при совершении виновного деяния. Имеется наличие своеобразного сострадательного аспекта к виновному лицу, которое является прямым разрешением нравственного вопроса при доказывании. При этом нельзя сказать о том, что доказываются только обстоятельства, связанные со смягчением наказания. Законодатель не «жалеет» виновных лиц, поскольку доказыванию также подлежат и обстоятельства, отягчающие наказание.

К ним, например, относятся такие обстоятельства, как совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц, совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора и другие [49].

Поскольку доказыванию подлежат и те, и другие обстоятельства, которые в конечном счете будет оценивать суд, следует сделать вывод, что законодатель в каждом уголовном деле, при наличии таких обстоятельств указывает на необходимость собирать доказательства, указывающие на моральный, нравственный облик обвиняемого. В каждом уголовном деле, где такие обстоятельства присутствует разрешается нравственный вопрос о снисхождении или наоборот, порицании, проявленных личностных качеств подсудимого.

3.2 Проблемы соблюдения нравственных требований при осуществлении доказывания в уголовном процессе России

Поскольку в прошлом параграфе мы пришли к выводу о состоятельности законодательства в вопросе нравственных основ доказывания, стоит указать о том, какие проблемы существуют.

Примерами таких нарушений могут выступать в грубом отношении правоприменителя, прежде всего следователя и дознавателя к обвиняемому лицу. В отдельных случаях это могут быть такие проявления, которые связаны с угрозами жизни и здоровью лица. В других же случаях, это могут быть заверения лица субъектом доказывания со стороны обвинения, касательно исхода уголовного дела, с целью признаться в совершении преступления. При этом лицо вводится в заблуждение относительно возможных последствий признания.

На один из примеров таких проблем указывала А.В. Хмелева «нарушение этических норм, специфических для следователей, находит свое проявление в необъективном расследовании, в обвинительном уклоне расследования (игнорирование обстоятельств, противоречивших выбранной следствием версии). Оно может выражаться в немотивированном отклонении ходатайств стороны защиты, в намеренной неполноте и «однобокости» протокола допроса, когда отдельные фразы допрашиваемого, не укладывающиеся в версию следствия, не дописываются, несколько изменяется суть и характер изложения; непроведение следственных действий, которые необязательны, но на которых настаивает сторона защиты, игнорировании заявленного алиби» [58, с. 74-75].

На похожие проявления указывал Д.В. Ильин, «разумеется, обратной стороной состязательности выступает желание настоять на своей версии, обосновать ее во что бы то ни стало. Как правило, это делается стороной обвинения. И дело здесь не только (и не столько в убежденности в своей позиции), а зачастую – в ложно понимаемых служебных интересах либо, что

еще хуже – в прямом безапелляционном желании довести дело до суда и вынесения обвинительного приговора. Это, в свою очередь, обусловлено мотивами карьерного характера или выполнением определенных плановых показателей, что, очевидно, не имеет отношения к установлению истины по делу и содействию правосудию» [18, с. 42].

В данном случае проблема является комплексной. Так, в силу карьерных амбиций субъект доказывания, особенно это относится к следователю или дознавателю, которые, будучи ведомыми желанием «выслужиться», могут вести расследование таким образом, что в суд поступит дело, в котором доказательная база не будет отражать всей полноты произошедшего события, а значит могут пострадать законные интересы стороны защиты.

Проблема также может заключаться и в зависимой позиции следователя от плановых показателей, позиции руководства или страхом отступить от сложившейся правоприменительной практики. Такой пример мы можем наблюдать в случае расследования дел о превышении мер необходимой обороны, а также при рассмотрении их судами.

Требуется упомянуть и такую проблему, связанную с личностью правоприменителя, как стремление к обогащению. Данная проблема существует столько, сколько существует понятие государственного служащего в том или ином виде, в любой точке планеты. Не указать о ней нельзя. Она имеет нравственную природу, но между тем влечет за собой прямое нарушение законодательства. Сотрудник органов, осуществляющих доказывание в зависимости от конкретного случая может нарушать закон в связи с получением взятки или покровительства. Разумеется, подобное поведение является недопустимым и с нравственной точки зрения, и с точки зрения закона, но при этом она существует, несмотря на все меры по противодействию. Если в отдельных случаях субъект доказывания совершает преступление коррупционной направленности в случаях безвыходности, то в подавляющем большинстве у человека не сформирована достаточная нравственная основа для восприятия подобных действий недопустимыми.

Не стоит также забывать и про профессиональную деформацию, которая также может являться причиной как указанных выше проблем, так и других. Справедливым считаем и то, что данный аспект является очень немаловажным и не следует относиться к нему легкомысленно. Во многом причиной поведения, нарушающего нравственные принципы при производстве доказывания – является именно изменение поведения субъекта доказывания, вызванные такого рода деформацией.

Н.Г. Калугина указывала, что «если фрустрация у следователя повторяется часто, то его личность может приобрести черты деформации: озлобленность, безразличие, безынициативность, нерешительность и т.п. Частый выход из состояния фрустрации путем перемены деятельности приводит к утрате настойчивости, трудолюбия, усидчивости, целенаправленности» [29, с. 14].

Разумеется, стоит указать и про нравственный аспект касательно проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании. О наличии или отсутствии давления, унижений, достойного отношения к лицу, в отношении которого производятся некоторые виды оперативно-розыскной деятельности – субъекту доказывания со стороны обвинения ничего не известно, поскольку весь механизм происхождения таких сведений остается сокрытым от следствия, они получают лишь результат и процессуально закрепляют. Нередко после проведения оперативно-розыскных мероприятий заявляются явки с повинной, но неизвестно, что предшествовало такому решению. Неизвестно, каким образом оперативные сотрудники действовали и подталкивали лицо к такому действию.

Стоит учесть и результаты анкетирования А.В. Хмелевой, проведенной в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации на предмет причин допуска таких нарушений, «как показало проведенное нами анкетирование следователей, повышающих свою квалификацию в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, если подобные нарушения правоохранительной деятельности допускаются

сознательно, то нередко они объясняются нехваткой опыта, непрофессионализмом, элементарным временным цейтнотом, нежеланием ставить вопрос о продлении срока следствия» [58, с. 77-78].

Нельзя не указать и такой феномен, как следственная хитрость. О нем, например, говорит Н.А. Подольный, указывая, что «следственная хитрость учитывает не просто особенности конкретного лица, но и особенности его восприятия. Для следователя важно при применении следственной хитрости, как будет воспринята соответствующая следственная ситуация. Ему важно, чтобы лицо, в отношении которого применяется следственная хитрость сделало выводы о том, что самым разумным с его стороны является сообщить правду, не создавать препятствия для следователя в установлении обстоятельств совершенного преступления» [38, с. 157].

Кроме того, этот же автор указывает, что не стоит считать следственную хитрость обманом, поскольку она строится не на лжи сотрудника, а на грамотном использовании заблуждения, возникшего у объекта, лица, на который она направлена. Следователь не стремится опровергнуть такое заблуждение, а использует его в целях расследования [38].

Указанный прием следственной тактики никак не регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом. Потому вопрос, используется ли заблуждение обвиняемого лица, которое сформировалось без участия стороны обвинения или все же в некоторых случаях имеет место целенаправленное введение объекта такого приема в заблуждение, в том числе при помощи заведомо ложных доводов, остается более чем открытым. Считаем разумным полагать, что перечисленные примеры на практике являются прямым подтверждением того, как нравственные основы при проведении доказывания могут подрываться. Использование заблуждений участника уголовного процесса с одной стороны является эффективным инструментом получения сведений, но с другой стороны может быть изначально построено на введении лица в заблуждение. Возможно, путем прямого обмана лица.

По итогам рассмотрения вопросов данной главы, можно предложить следующие основные выводы.

Уголовное судопроизводство в целом, а потому и процесс доказывания в частности, полностью пронизан нормами и указаниями законодателя, которые обеспечивают уважение к личности участника уголовного судопроизводства, сохраняют его честь и достоинство. Более того, многие нормы Уголовно-процессуального кодекса составлены таким образом, чтобы минимизировать негативные эмоциональные последствия, в том числе, учитывается и возраст участника того или иного процессуального мероприятия. Это позволяет резюмировать, что вопрос соблюдения нравственных основ проведения доказывания в рамках уголовного процесса регламентирован на должном уровне.

Среди проблем, имеющих под собой нравственное начало, были выделены: жажда наживы субъекта доказывания; его карьерные амбиции; недостаток опыта сотрудника; недостаток времени на производство отдельных процессуальных действий, который в угоду отсутствия негативных последствий для себя таковые не проводит; зависимое положение субъекта доказывания со стороны обвинения от позиции собственного начальства, а также общепринятой правоприменительной практики; профессиональная деформация и выгорание; применение неоднозначных с нравственной точки зрения приемов следственной тактики, рассмотренным примером которой, является следственная хитрость.

Глава 4 Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики применительно к выявленным проблемам доказывания

После рассмотрения проблем, приведенных в исследовании, стоит предложить варианты их разрешения.

Касательно освещенной проблемы, связанной с доказыванием на стадии возбуждения уголовного дела, в отношении мер по обеспечению безопасности, выражающиеся в анонимизации лица, дающего объяснения, но при этом в процессуальном законодательстве некорректно выраженное, предлагаем следующее: дополнить ч. 9 ст. 166 УПК РФ во второй строчке, после слова «свидетеля», словами «участника проверки сообщения о преступлении».

Данная мера разрешит неточность, которая присутствует в законодательстве, обеспечив возможность лицу, желающему дать объяснение, которое в свою очередь может обладать крайне важными сведениями для следствия в случае, если лицо по тем или иным причинам опасается за свою жизнь и жизнь своих родных и близких. Полагаем такое решение не вызовет никаких трудностей в исполнении, в случае, если законодатель захочет устранить данный изъян.

Касательно проблемы использования в качестве доказательств объяснений, отобранных на стадии возбуждения уголовного дела, предлагается предусмотреть процессуальную форму отбирания объяснений. Данная форма будет предусматривать письменное удостоверение лица, у которого эти объяснения отбираются, о добровольности этого действия, о осознании необходимости сообщать только правдивые сведения, о осознании возможного включения сведений, содержащихся в объяснении, а равно и само объяснение (имеется ввиду в виде протокола) в состав объема доказательств по уголовному делу, а также о возможности пользоваться услугами защитника

и согласии давать объяснения без его участия. Ввиду необходимости конкретизации данной процедуры:

- дополнить главу 19 УПК РФ статьей 144.1, содержащей следующее;
- объяснение – сведения, сообщенные лицом, в рамках стадии возбуждения уголовного дела.
- объяснения даются лицом добровольно;
- объяснения оформляются путем составления протокола, содержащем данные о месте, времени, лице (его ФИО, пол, семейное положение, место работы, судимости, адресе регистрации, образовании, отношению к воинской службе, контактном телефоне, а также в случае необходимости – о предоставлении мер безопасности), а также должность, звание и ФИО отбирающего объяснение и данные о участии защитника;
- лицо у которого отбираются объяснения письменно удостоверяет добровольность дачи объяснений, осознание возможности использования данного объяснения в качестве доказательств по уголовному делу, о возможности пользоваться услугами защитника и согласии давать объяснения без его участия;
- лицо имеет право на меры по обеспечению безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166 УПК РФ;
- сведения, которые отбираются у лица и свидетельствуют против лица или его близких родственников не могут быть признаны доказательствами по уголовному делу, за исключением случаев, если оно само не пожелает об этом.

Таким образом возможно разрешение проблемы о использовании отобранных на стадии возбуждения уголовного дела объяснений в качестве доказательств по уголовному делу. Возможность не свидетельствовать против себя и своих близких прямо указана в Конституции РФ, таким образом не считаем проблемой невозможность использовать сведения, полученные из объяснений против лица, которое их дает. Однако же, если информация все же

свидетельствует против лица – это так или иначе дает следствию возможность для проверки этих сведений, что даст возможность получить совокупность иных доказательств в случае возбуждения уголовного дела, в том числе при допросе данного лица в качестве подозреваемого и обвиняемого. В случае если лицо непричастно к совершению преступления, эти сведения могут стать крайне полезными, поскольку дают наиболее «свежие» следы. Кроме того, это экономит силы и время субъекта доказывания, не требуется повторно собирать ту же информацию, те же сведения, но в иной процессуальной форме, что является одной из ключевых задач, которую поможет решить данное нововведение. Дополнение перечня доказательств, указанных в ст. 74 УПК РФ отдельным пунктом, который бы прямо указывал на объяснения, как на доказательство – не требуется.

Также предлагаем законодателю обосновать позицию касательно осмотра места происшествия, производимого в жилище на стадии возбуждения уголовного дела. Отказываться от данного процессуально мероприятия было бы неразумным, однако вопрос о нарушении конституционных прав граждан при этом не исключается. В данном случае следует предусмотреть письменное закрепление в протоколе согласия или несогласия жильцов на проведение данного мероприятия. В случаях негативного ответа результаты осмотра в виде протокола, в течение трех суток направлялись бы суду, который принимал бы решение о законности или незаконности данного мероприятия, о чем извещались бы жильцы помещения. В случае отсутствия жильцов, но при наличии оснований полагать, что в жилище кто-то проживает и оно не заброшено, соблюдался бы такой же, судебный порядок разрешения вопроса о допустимости данного мероприятия.

Касательно возможности применения судебно-экспертного исследования по отношению к лицам, участвующим в стадии возбуждения уголовного дела, следовало бы предусмотреть возможность такого исследования в отношении участников указанной стадии. Представляется разумным дополнить ч. 4 ст. 195 УПК РФ в следующем виде: после слова

«свидетеля», дополнить словами «и участников проверки сообщения о преступлении».

Добровольность участия лиц в данном мероприятии при этом не нарушается.

Касательно проблем, связанных с участием адвоката-защитника в доказывании, если законодатель стремится привести соблюдение принципа состязательности сторон де-юре и де-факто к тождеству – требуется уравнивать с возможностями субъектов доказывания со стороны обвинения в процессе доказывания. Для того чтобы добиться данного результата имеется несколько возможных путей. Во-первых, предлагается на законодательном уровне принудить субъекта, который ведет предварительное расследование приобщать к материалам дела все собранные адвокатом-защитником в соответствии с УПК сведения. Вопрос о соответствии или несоответствии критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности таких доказательств, следует оставить суду. Во-вторых, предлагается принудить субъект доказывания со стороны обвинения удовлетворять ходатайства стороны защиты о производстве отдельных следственных действий. Среди обязательных к удовлетворению: ходатайства о проведении судебной экспертизы, при этом в обязательном порядке не менее двух указанных стороной защиты экспертиз; о проведении следственного эксперимента; о допросе свидетеля, указанного защитой, при этом основываясь на вопросах, которые подготавливал бы адвокат-защитник. В обязательном порядке сторона защиты имела бы возможность привлечь двух свидетелей. Также предлагается пересмотреть положение ст. 125 УПК РФ. Дозволить рассмотрение судом вопросов, которые касались бы не только ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства, но и обоснованности и необоснованности отказа в удовлетворении ходатайств защитника по производству отдельных следственных действий или приобщении материалов к уголовному делу. Отдельно стоит указать о возможности рассмотрения варианта, при котором адвокат-защитник

формировал бы доводы самостоятельно, предоставляя их напрямую в суд, не теряя при этом остальных возможностей своего процессуального статуса. Однако для этого следует существенно пересмотреть инструментарий, который на сегодняшний день предоставлен защитнику. Тем не менее считаем такой вариант достойным отдельного исследования.

Касательно проблем использования в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности, предлагается признать таковые доказательствами по умолчанию, а значит включить их в список доказательств, перечисленных в ст. 74 УПК РФ. Такая позиция продиктована важнейшей ролью оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступностью. Отказаться от таковых считаем на сегодняшний день невозможным. При этом стоит сделать акцент, что при исследовании таких доказательств в суде, последний должен прилагать особенное внимание к их изучению и оценке. Невозможность соблюдения критерия допустимости, применимый к доказательствам при их оценке, предлагается нивелировать следующим образом: допустимыми в качестве доказательств следует считать такие сведения, которые были получены в соответствии с федеральным законом, регулирующим оперативно-розыскную деятельность. Остальные критерии оценки относительно таких доказательств остаются неизменными.

Стоит отметить, что С.Б. Россинский придерживается такой же позиции, касательно разрешения вопроса об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании. Так, он указывает, что «мы приходим к выводу, что единственный вариант решения проблемы использования в доказывании результатов ОРД заключается в легализации механизмов их прямого, непосредственного введения в уголовный процесс без необходимости какого-то мнимого процессуального оформления» [44, с. 117].

Касательно проблем соблюдения нравственных основ в процессе доказывания, стоит указать следующее. Крайне немаловажным является необходимость поддержания на достойном уровне материального обеспечения сотрудников, которые при этом являются субъектами

доказывания. Размер жалования должен позволять человеку не только закрывать свои базовые, естественные потребности, но и давать возможность обеспечивать семью на достойном уровне. В случае, если сотрудник не будет испытывать трудностей с обеспечением, он с наибольшей вероятностью будет чувствовать уверенность в завтрашнем дне и осознавать значимость своей деятельности. Это также снизит риск такого аморального проявления для государственного служащего, как совершения им коррупционного преступления. При прочих равных, отсутствие достаточного обеспечения может и не привести к коррупционным проявлениям. Однако, вероятнее всего, такое лицо будет выполнять свои обязанности менее эффективно. В долгосрочной перспективе это может привести и к увольнению сотрудника по материальным мотивам. Разочаровавшийся сотрудник, который осуществлял функции субъекта доказывания в конечном итоге может и вовсе оказаться преступником, который при этом будет обладать исключительными знаниями. Потому вопрос своевременного повышения оплаты труда, с учетом состояния цен и инфляции является приоритетной задачей. Касательно следственной хитрости, рекомендуется на законодательном уровне либо закрепить возможность использования заблуждений лица в интересах правосудия, либо запретить использование заблуждений в принципе. Оба решения возможны, однако законодателю стоит определиться, какой вариант наиболее предпочтительный. При этом считаем правильным отметить, что исправить данную ситуацию кардинально сможет только появление устойчивой, принятой государством идеологии, как средства воспитания граждан. Эта позиция, в прочем, остается крайне спорной.

В заключение данной главы можно предложить следующие выводы. В целях разрешения изученных в ходе работы проблем, были предложены некоторые возможные пути их решения.

Так, касательно стадии возбуждения уголовного дела были предложены: конкретизация возможности применения ч. 9 ст. 166 УПК РФ по отношению к участникам проверки сообщения о преступлении; дополнение Уголовно-

процессуального кодекса статьей 144.1 УПК РФ, которая регулировала бы процессуальный статус объяснений; конкретизировать ч. 4 ст. 195 УПК РФ, касательно возможности проведения судебной экспертизы в отношении лиц стадии возбуждения уголовного дела; регламентировать осмотр места происшествия, производимый в жилище таким образом, чтобы данное мероприятие в итоге получало судебное дозволение на производство, либо признавало мероприятие незаконным.

Касательно участия адвоката-защитника в доказывании было предложено: обязать сторону обвинения на стадии предварительного расследования приобщать к делу все без исключения материалы, собранные защитником; принудить субъект доказывания со стороны обвинения в обязательном порядке проводить отдельные следственные действия, запрашиваемые стороной защиты; пересмотреть положения ст. 125 УПК РФ и позволить суду разрешать вопрос об обоснованности отказа в удовлетворении ходатайства стороной обвинения в целом, не ограничиваясь нарушением конституционных прав и свобод на стадии досудебного разбирательства; рассмотреть вопрос о возможности проведения адвокатом-защитником собственной процессуальной деятельности с формированием доводов сепарировано от уголовного дела, при этом сохраняя уже имеющиеся в УПК РФ полномочия защитника.

Относительно использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, предлагается следующее:

- признать невозможность соблюдения критерия допустимости, применимого ко всем доказательствам, согласно УПК;
- допустить результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств без необходимости дополнительного процессуального оформления;
- скорректировать Уголовно-процессуальный кодекс, указав в ст. 89 УПК РФ, что результаты оперативно-розыскной деятельности

отвечают критерию допустимости, в случае, если были получены в соответствии с законодательством, регулирующем ОРД.

Остальные критерии оценки по отношению к результатам ОРД применяются без изменений. Кроме того, акцентировать внимание суда на необходимость крайне пристальной проверки и оценки доказательств, которые являются результатами оперативно-розыскной деятельности.

Касательно разрешения нравственных проблем, было предложено следующее:

- поддерживать достойное материальное обеспечение сотрудников;
- на законодательном уровне решить, допускается ли следственная хитрость, учитывая, что она построена на заблуждении лица и в ряде случаев может применяться с применением прямого обмана;
- рассмотреть вопрос о принятии единой идеологии, как средства воспитания граждан.

Заключение

По итогам рассмотрения понятия и общей характеристики доказывания в уголовном процессе России, предлагаются следующие основные выводы. Доказывание следует понимать, как процессуальную, преимущественно ретроспективную, познавательно-аналитическую деятельность по формированию необходимого для разрешения уголовного дела по существу объема доказательств. Цель доказывания заключается в формировании достаточного для разрешения уголовного дела объема доказательств. Объем доказательств необходимым для формирования внутреннего убеждения у субъекта доказывания.

Содержание процесса доказывания состоит заключается в трех элементах, логически дополняющих друг друга, которые в сумме составляют процесс доказывания. Этими элементами являются собирание доказательств, проверка доказательств и оценка доказательств. При этом каждый элемент доказывания осуществляется разным кругом субъектов, в разной степени, в зависимости от процессуального статуса субъекта и стадии уголовного судопроизводства. Собирание доказательств является деятельностью преимущественно следователя или дознавателя, в то время как оценка присутствует на протяжении всего судопроизводства, но решающую роль имеет именно в момент судебного разбирательства, когда оценку доказательств производят суд и, в некоторых случаях, присяжные заседатели. В доказывании принимают участие как сторона обвинения, так и сторона защиты, а также нейтральные субъекты, такие как суд и присяжные заседатели. Некоторые субъекты доказывания осуществляют только часть функций доказывания, например, адвокат-защитник и присяжные заседатели. Доказывание имеет за собой обвинительный уклон, в силу наличия наиболее полного объема полномочий именно у стороны обвинения. Стадия судебного разбирательства под собой подразумевает прежде всего рассмотрение, проверку и оценку доказательств, собранных на стадии досудебного

разбирательства, в ходе которой процессуальных возможностей у стороны обвинения больше.

По итогам рассмотрения правовых проблем доказывания в уголовном процессе России, предлагаются следующие основные выводы.

Стадия возбуждения уголовного дела, не может расцениваться, как стадия на которой производится полноценное доказывание, ввиду наличия иной цели и ограниченного инструментария. Тем не менее, на данном этапе производится комплекс мероприятий, результаты которого могут стать доказательствами по уголовному делу. Данный этап досудебного разбирательства имеет ряд проблем, а именно: неточность регулирования мер защиты по отношению к лицам, которые могут иметь крайне важные сведения для разрешения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, а также для разрешения уголовного дела по существу, если основания для возбуждения дела будут установлены; отсутствие полноценной регулировки статуса объяснений, как возможного вида доказательств и наличие вследствие этого неоднозначной судебной практики; недостаточность регулирования проведения осмотра места происшествия в жилище на стадии проверки сообщения о преступлении, а как следствие открытый вопрос о законности подобного мероприятия без получения судебного решения; неточность в определении возможности о проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении участника стадии возбуждения уголовного дела.

Участие в доказывании адвоката-защитника содержит следующие проблемы: сторона защиты имеет меньший по сравнению со стороной обвинения объем процессуальных полномочий по собиранию доказательств; сторона защиты также процессуально зависима от стороны обвинения на стадии досудебного разбирательства, поскольку вопрос о закреплении доказательств разрешает лицо производящее расследование, которое в свою очередь процессуально независима; судебный контроль до стадии судебного разбирательства осуществляется лишь касательно ограничения конституционных прав и свобод граждан, а также их доступа к правосудию,

что делает невозможным принуждение лица, производящего расследование к проведению отдельных следственных действий, ввиду процессуальной независимости последнего; обжалование отказов в удовлетворении ходатайств руководителю органа расследования и прокурору не может считаться в полной мере эффективной, поскольку оба выступают на стороне обвинения.

Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности содержит следующие проблемы: результаты оперативно-розыскной деятельности имеют статус непроцессуальных сведений, имеющих иную правовую природу, а потому не могут полноценно отвечать требованию критерию допустимости, применимого к доказательствам; субъект доказывания не проводит процедуру сбора таких сведений самостоятельно, а потому не может ручаться за то, были ли допущены нарушения, при производстве оперативно-розыскных мероприятий; необходимость закрепления результатов оперативно-розыскной деятельности процессуальным путем вызывает дополнительные затраты сил и времени у субъекта доказывания, что негативно влияет на процесс доказывания в целом; результаты оперативно-розыскной деятельности могут составлять базис для обвинения, при этом оставаясь противоречивыми доказательствами; оперативно-розыскная деятельность является важнейшим инструментом в борьбе против преступности, а значит несмотря на ее противоречивый характер с точки зрения уголовно-процессуального закона, отказаться от нее на сегодняшний день не представляется возможным.

По итогам рассмотрения вопросов о нравственных основах доказывания, а также проблем соблюдения нравственных требований при доказывании, предлагаются следующие основные выводы.

Уголовное судопроизводство в целом, а потому и процесс доказывания в частности, полностью пронизан нормами и указаниями законодателя, которые обеспечивают уважение к личности участника уголовного судопроизводства, сохраняют его честь и достоинство. Вопрос соблюдения

нравственных основ проведения доказывания в рамках уголовного процесса регламентирован на должном уровне.

Среди проблем, имеющих под собой нравственное начало, были выделены: жажда наживы субъекта доказывания; его карьерные амбиции; недостаток опыта сотрудника; недостаток времени на производство отдельных процессуальных действий, который в угоду отсутствия негативных последствий для себя таковые не проводит; зависимое положение субъекта доказывания со стороны обвинения от позиции собственного начальства, а также общепринятой правоприменительной практики; профессиональная деформация и выгорание; применение неоднозначных с нравственной точки зрения приемов следственной тактики, рассмотренным примером которой, является следственная хитрость.

В целях разрешения изученных в ходе работы проблем, были предложены следующие возможные пути их решения.

Так, касательно стадии возбуждения уголовного дела были предложены: конкретизация возможности применения ч. 9 ст. 166 УПК РФ по отношению к участникам проверки сообщения о преступлении; дополнение Уголовно-процессуального кодекса статьей 144.1 УПК РФ, которая регулировала бы процессуальный статус объяснений; конкретизировать ч. 4 ст. 195 УПК РФ, касательно возможности проведения судебной экспертизы в отношении лиц стадии возбуждения уголовного дела; регламентировать осмотр места происшествия, производимый в жилище таким образом, чтобы данное мероприятие в итоге получало судебное дозволение на производство, либо признавало мероприятие незаконным.

Касательно участия адвоката-защитника в доказывании было предложено: обязать сторону обвинения на стадии предварительного расследования приобщать к делу все без исключения материалы, собранные защитником; принудить субъект доказывания со стороны обвинения в обязательном порядке проводить отдельные следственные действия, запрашиваемые стороной защиты; пересмотреть положения ст. 125 УПК РФ и

позволить суду разрешать вопрос об обоснованности отказа в удовлетворении ходатайства стороной обвинения в целом, не ограничиваясь нарушением конституционных прав и свобод на стадии досудебного разбирательства; рассмотреть вопрос о возможности проведения адвокатом-защитником собственной процессуальной деятельности с формированием доводов сепарировано от уголовного дела, при этом сохраняя уже имеющиеся в УПК РФ полномочия защитника.

Относительно использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, предлагается следующее: признать невозможность соблюдения критерия допустимости, примененного ко всем доказательствам, согласно УПК; допустить результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств без необходимости дополнительного процессуального оформления; скорректировать Уголовно-процессуальный кодекс, указав в ст. 89 УПК РФ, что результаты оперативно-розыскной деятельности отвечают критерию допустимости, в случае, если были получены в соответствии с законодательством, регулирующем ОРД. Остальные критерии оценки по отношению к результатам ОРД применяются без изменений. Кроме того, акцентировать внимание суда на необходимость крайне пристальной проверки и оценки доказательств, которые являются результатами оперативно-розыскной деятельности.

Касательно разрешения нравственных проблем, было предложено следующее: поддерживать достойное материальное обеспечение сотрудников; на законодательном уровне решить, допускается ли следственная хитрость, учитывая, что она построена на заблуждении лица и в ряде случаев может применяться с применением прямого обмана; рассмотреть вопрос о принятии единой идеологии, как средства воспитания граждан.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алексеенко Л.И. О некоторых проблемах получения объяснений на стадии возбуждения уголовного дела / Л.И. Алексеенко. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 4 (190). С. 128-130. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/190/47994/> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Апелляционное постановление Волгоградского областного суда по делу № 22-1724/2025 от 14.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/90352531> (дата обращения 06.06.2025).
3. Апелляционный приговор Алтайского краевого суда по делу № 22-652/2021 от 25.02.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/603187655> (дата обращения 06.06.2025).
4. Афанасьева А.А. Особенности реализации прав стороны защиты в собирании доказательств по уголовным делам // Вестник КПУ МВД России. 2023. № 3 (61). С. 60-65. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-prav-storony-zaschity-v-sobiranii-dokazatelstv-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Бахчиева О.А. Подходы к определению понятия нравственности // Наука и школа. 2013. № 4. С. 147-153. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-nravstvennosti> (дата обращения: 26.05.2025).
6. Боруленков Ю.П. Предмет доказывания как категория // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 18-25.
7. Быкадорова Елена Владимировна Установление достоверности доказательства как элемент его проверки и оценки Е. // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024. № 4. С. 123-128. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-dostovernosti-dokazatelstva-kak-element-ego-proverki-i-otsenki-e> (дата обращения: 24.05.2025).

8. Валюлин Р.Р. Проблемы участия адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 66-69. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-uchastiya-advokata-zaschitnika-v-protssesse-dokazyvaniya-po-ugolovnomu-delu> (дата обращения: 25.05.2025).

9. Горнышкова А.М., Подопригора А.А. Проблемы оценки доказательств в современном уголовном судопроизводстве // Скиф. 2023. № 5 (81). С. 474-478 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otsenki-dokazatelstv-v-sovremennom-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 24.05.2025).

10. Гриненко А.В. Соотношение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 233-235. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-sledstvennyh-deystviy-i-operativno-rozysknyh-meropriyatiy> (дата обращения: 25.05.2025).

11. Громов Н.А., Зайцева С.А., Гущин А.Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. – М : Приор-издат, 2006. 80 с.

12. Давыдова Н.Н. Цели доказывания в уголовном процессе России // Вестник СГЮА. 2015. №6 (107). С. 170-175. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-dokazyvaniya-v-ugolovnom-protssesse-rossii> (дата обращения: 21.05.2025).

13. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : монография / С.А. Шейфер. - 2е изд., испр. и доп. - М : Норма : ИНФРАМ, 2024. 240 с.

14. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела : учебное пособие / [сост. Н.В. Пальчикова] ; ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИИ России. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. - 78 с.

15. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. - 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 448 с.

16. Жидкина Т.С. Участие защитника в доказывании по уголовным делам: проблемы и перспективы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-1 (96). С. 205-209. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-zaschitnika-v-dokazyvanii-po-ugolovnym-delam-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 25.05.2025).

17. Иванов В.И. Уголовно-процессуальное доказывание - ретроспективный путь познания от чувственного восприятия сущего к достоверному знанию прошлого / В.И. Иванов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 42-51.

18. Ильин Д.В. Противодействие нарушению права защиты на участие в доказывании // Социально-политические науки. 2022. № 2. С. 40-47. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-narusheniyu-prava-zaschity-na-uchastie-v-dokazyvanii> (дата обращения: 25.05.2025).

19. Карачурин, А.Р. Деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве /А.Р. Карачурин // Юридический факт. 2020. № 114. С. 28-31.

20. Колядина В.А., Волколупова В.А. Проблемы совершенствования процессуальных полномочий адвоката-защитника и его участия в уголовно-процессуальном доказывании // Инновационная наука. 2024. № 1-2. С. 109-112. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovershenstvovaniya-protsessualnyh-polnomochiy-advokata-zaschitnika-i-ego-uchastiya-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvanii> (дата обращения: 25.05.2025).

21. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и

первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)).

22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

23. Копейкина И.В. Оценка доказательств в уголовном процессе // Достижения науки и образования. 2020. № 13 (67). С. 23-25. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 24.05.2025).

24. Костенко А.Б. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Юридическая наука. 2020. №3. С. 111-115. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-v-dokazyvanii-po-ugolovnym-delam-1> (дата обращения: 25.05.2025).

25. Лубин С.А. Формирование системы обвинительных доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2006. 28 с.

26. Макашова Т.П. Пределы полномочий адвоката при сборе доказательств по уголовному делу // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года). Сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция. В 2-х томах. Составители Н.В. Ганжа [и др.], отв. редакторы Г.Г. Бриль, В.В. Груздев. 2020. С. 281-285.

27. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании

Генеральной Ассамблеи ООН) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

28. Миронова Г.А. Собираение и формирование уголовных доказательств как элементы процесса доказывания: понятие, содержание, соотношение // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 200-207. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-i-formirovanie-ugolovnyh-dokazatelstv-kak-elementy-protsessa-dokazyvaniya-ponyatie-soderzhanie-sootnoshenie> (дата обращения: 24.05.2025).

29. Н Г. Калугина Некоторые особенности профессиональной деформации следователя // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1998. № 2. С. 14-17. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-professionalnoy-deformatsii-sledovatelya> (дата обращения: 26.05.2025).

30. Нефедовский Г.В. Проблемы истины в уголовном праве // Право и практика. 2014. № 1. С. 34-43. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-istiny-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 05.06.2025).

31. Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

32. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

33. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2021 № 77-4108/2021 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

34. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2021 № 77-4135/2021 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

35. Определение первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2022 г. № 77-472/2022 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

36. Определение четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2021 г. по делу № 77-4196/2021 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

37. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2021 № 77-5864/2021 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

38. Подольный Н.А. Тактическое значение следственной хитрости при расследовании преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 155-162. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskoe-znachenie-sledstvennoy-hitrosti-pri-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 26.05.2025).

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

40. Приговор Архангельского областного суда по делу № 2-11/2021 от 25.08.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/350092524> (дата обращения 06.06.2025).

41. Приговор Медведевского районного суда Республики Марий Эл по делу № 1-89/2025 от 13.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/90391013> (дата обращения 05.06.2025).

42. Приговор Тракторозаводского районного суда г. Волгограда по делу № 1-194/2025 от 25.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/90320187#decision> (дата обращения 05.06.2025).

43. Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 70-84. [Электронный ресурс].

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ispolzovaniya-v-ugolovnom-protssesse-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-trebuetsya-okonchatelnogo-razresheniya> (дата обращения: 25.05.2025).

44. Россинский С.Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 111-119. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-nuzhno-priznat-dokazatelstvami-po-ugolovnomu-delu> (дата обращения: 06.06.2025).

45. Рудин А.В. Проверка доказательств в системе элементов процесса доказывания по уголовным делам // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 179-183. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proverka-dokazatelstv-v-sisteme-elementov-protssessa-dokazyvaniya-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 07.06.2025).

46. Саморока В.А. Цель процесса доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 207-210. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsel-protssessa-dokazyvaniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 21.05.2025).

47. Сержантова Л.А., Свечникова Е.И. Особенности сохранения в тайне данных о личности на стадии возбуждения уголовного дела // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 2. С. 86-89. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sohraneniya-v-tayne-dannyh-o-lichnosti-na-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 25.05.2025).

48. Сорокин М.А. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при доказывании по уголовным делам / М.А. Сорокин. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 17 (412). С. 251-252. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/412/90895/> (дата обращения: 25.05.2025).

49. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 « 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

50. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.60) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

51. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 « 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

52. Уголовный процесс : учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. - М : Норма : ИНФРА-М, 2024. 888 с.

53. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / под ред. А.П. Гуськовой, Ф.К. Зиннурова. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 663 с.

54. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 04.03.2013 № 23-ФЗ» (последняя редакция) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

55. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

56. Федулова И.И. Актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Эпоха науки. 2017. №11. С. 107-110. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 26.05.2025).

57. Философия познания : учеб. пособие / Б.Ф. Кевбрин, Ф.А. Айзатов, О.В. Кукушкин ; Саран. кооп. ин-т РУК. – Саранск, 2011. 60 с.

58. Хмелева А.В. Морально-нравственные аспекты работы следователя // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. №4. С. 72-78. [Электронный

ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralno-nravstvennye-aspekty-raboty-sledovatelya> (дата обращения: 26.05.2025).

59. Чомаев Р.А. Собираение доказательств: понятие, содержание и место в структуре доказывания / Р.А. Чомаев. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 383-384. [Электронный ресурс]. - URL: <https://moluch.ru/archive/413/91026/> (дата обращения: 24.05.2025).

60. Шипунова О.В. Особенности проведения осмотра жилища как места происшествия при проверке сообщения о преступлении // Концепт. 2014. № S29. С. 51-55. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-osmotra-zhilischa-kak-mesta-proisshestviya-pri-proverke-soobscheniya-o-prestuplenii> (дата обращения: 27.05.2025).

61. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учеб. пособ. / Ю.К. Якимович. Томск, 2015. 80 с.